

100 СВИДАНИЙ С ВЕДЬМАКОМ

16+

ДАРЬЯ ГУСИНА

Дарья Гусина

100 свиданий с ведьмаком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67730277

SelfPub; 2022

Аннотация

Беляна: "В Сильверград я переехала ради бабушкиного наследства – чайной лавки. У меня и в мыслях не было что-то покорять... или кого-то. Тем более всяких там... мажоров, бездельников и оболтусов. В планах? Добиться скромного дохода и выйти замуж за хорошего парня, желателно не ведьмака. И не оборотня. И не дракона. И трансмагов тоже... не надо".

Елисей: "Я потомственный ведьмак, наследник древнего рода, охотник на нечисть. Очаровываю девушек одной бровью. Мне не интересны скучные и правильные умницы-разумницы! Да и что ей здесь светит, в Сильверграде, городе Многомирья? Таких провинциалок-скромниц тут сжирают, не жуя. И это не оборот речи".

Оба: "Встречаться?! Нам?! Вы серьезно?!"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	44
Глава 5	61
Глава 6	77
Глава 7	95
Глава 8	108
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Дарья Гусина

100 свиданий с ведьмаком

Глава 1

Роман Евстафьевич Веденеев уже минут десять грозно водил по бланку старинным пером-артефактом, не требующим чернил. Строгость, молчание, негодующая складка меж бровей, а также презрительная гримаса должны были исполнять цели сугубо педагогические. Однако не исполняли. Объект негодования и презрения покачивался посреди комнаты, подперев подбородок нетвердой ладонью, и почти засыпал.

Это был молодой человек двадцати шести лет от роду, высокий, красивый замечательной жгучей и мужественной красотой, столь характерной для потомков ведь-магов, нагой до пояса, в подвернутых до колен драных по моде джинсах, босой... и в стельку пьяный. Юноша был явно близок к тому, чтобы завалиться спать прямо посреди кабинета отца (хорошо зная своего сына, Роман Евстафьевич подозревал, что еще пара минут молчания и презрения с его стороны закончатся именно этим), игнорируя даже тот факт, что перо-артефакт вычерчивало на формуляре приказ лишить его ежемесячного денежного довольствия.

Лицо Романа Евстафьевича приняло выражение крайнего отвращения. Он шумно вздохнул, смял бланк крупной ладонью, швырнул его в урну для бумаг и с горечью проговорил:

– Что толку-то, а? Все равно мать деньжат подбросит! Добрая душа, так-растак! Елисей!

Юноша вздрогнул, пробудился от дремы, покачнулся и бодро заметил:

– Однохренственно... то есть охренительно... я хотел сказать... естественно, батюшка! Все под богами ходим.

– Под богами?! – взревел Роман Евстафьевич, поднимаясь. – В твоём случае – под жирной мухой! Напомни, откуда тебя сейчас добыл твой приятель Изя?

– Э-э-э... – молодой человек трансформировал коготь на большом пальце левой ноги в темный заостренный коготь и почесал им мускулистую икру правой ноги.

– Убери! – велел его отец, кривясь.

– Виноват-с, – икнув, признал Елисей.

Он вернул ступне обычный вид и подпер подбородок растопыренными пальцами, явно пытаясь вспомнить, каким путем занесло его с раннего утра в кабинет отца пьяным, босым и столь сильно ненавидимым.

– Не припоминаешь?! Давай напомню! Сегодня утром после многочасовых поисков тебя нашли в занюханной пригородной гостинице с комнатами, что идут за ночь по десятке шеленгов!

– Я как раз собирался поспать, – обиженно произнес мо-

лодой человек. Зыркнул на побагровевшее лицо отца и покладисто продолжил разговор, старательно выражая заинтересованность слегка помятой физиономией. – Десять шеленгов? Совсем недорого для такого уютного местечка...

– Молчать! – рявкнул Веденеев-старший, от чего юноша болезненно поморщился и прикрыл один глаз. – Тебя вытащили из одной постели с полукровкой-дриадой, танцовщицей из «Миленькой Розы»! Мне было бы все равно, как ты проводишь свободное от обязанностей время, если бы за тобой не увязался репортер! Хотя нет! Мне не все равно! Ты сбежал с корпоративного собрания, чтобы потом обнаружиться в Дивном Квартале! Я не оберусь позора, если об этом узнают наши акционеры! Благодарите богов, что Изя успел выкупить негативы, иначе быть твоей опухшей роже да голой заднице твоей подружки-однодневки на первых полосах «Искушенного Знатока», дрянной желтой газетенки, что вечно поливает грязью аристократические семьи! Я не удержался – напечатал парочку улик! Любишься!

Роман Евстафьевич достал из ящика несколько снимков и швырнул их на стол. Елисей проложил маршрут через комнату нетвердым шагом, а фотографию с зеленого сукна ухватил со второй попытки. Вгляделся, усиленно хлопая веками и фокусируя взгляд.

– Надо же, действительно... задница, – озадаченно проговорил Елисей, комментируя то ли ситуацию в целом, то ли соблазнительный ракурс легкомысленной дриады, анга-

жированной на одну ночь после попойки в «Миленковой Розе».

– Единственный наследник Первого ведьмачьего рода, – с горечью констатировал его отец, падая в кресло и с точно такой же, как у сына, болезненной гримасой прижимая руку ко лбу, – потомственный ведь-маг и... мой отпрыск, в конце концов! Еще немного – пропьешь талант и последние крупички доверия. Что тогда? Опять за мамкину юбку? В стране кризис, кварталы бузят, нежить прорывается целыми стаями. Когда ты последний раз выходил в Дозор?! Не помнишь. Для нормальной жизни Сильверграду нужны ведьмаки, а где их взять? В семье Веденеевых? Там сын достиг брачного возраста, не иначе как скоро о продолжении рода позаботится! Ан нет, он же начисто прокутил и пропил стыд и срам! Кто станет доверять ведьмакам Веденеевым, зная, что Елисей ни во что не ставит честь семьи? Никто! Дождутся ли жители Сильверграда продолжения рода, на который уповают как на один из гарантов защиты от навьих? Вряд ли. Где Изя?

– Да бог его... – пробурчал Елисей, дернув плечом.

По сонному виду парня можно было подумать, что он опять погружается в дрему и не слушает поучения отца, но прояснившийся взгляд и злой огонек в нем говорили о том, что это не так.

Роман Евстафьевич снял с пояса связку амулетов и потер пальцами старый, истончившийся от прикосновений золотой безант. Монета тускло засияла, и в кабинете материа-

лизовался невысокий молодой человек, изящно сложенный и тонкокостный. Острые уши и длинные пальцы выдавали в нем потомка Дивных.

– Иззананди... тани... Иззантани... – обратился к нему Веденеев-старший. – Тьфу, навь темная! Изя, племя лепреконово! Мне и тебя искать с фонарями? Плохо относишься к своим обязанностям. Решил сменить хозяина за год до окончания договора? Коней на переправе?

Хрупкий молодой человек вжал голову в плечи и буркнул:

– Нет, Роман Евстафьевич. И в мыслях не было.

– Два сапога пара! Что ты, что сынок мой! Разгильдяи! В последний раз прощаю. Вот что, Изза, забирай сего... дурнопахнущего красавца и проследи за тем, чтобы он до вечера никуда не делся. Чтоб не пил. Чтоб в порядок себя привел. Сегодня в восемь он мне нужен, трезвый, милый и нарядный. Привезешь его в ресторан отеля «Стольный Дуб».

– Слушаюсь.

... Молодые люди покинули здание фабрики в молчании. У ворот Елисей коротко бросил:

– Машину подогнал?

– Да, – хмуро ответил Изза.

Найдя глазами свой золотистый кабриолет, Веденеев-младший направился к нему широким шагом как был, бо-сиком, не оглядываясь. Лепрекон едва поспевал за ним, се-меня позади.

– Роман Евстафьевич не велели за руль садиться, – скучным голосом, явно продолжая спектакль, произнес Изза.

– Вот и не садись, – лениво бросил Елисей, запрыгивая в автомобиль. – Такси возьми. Через полчаса вызову, будь у меня с пол-литрашкой холодной «Короны Цвергов». Ни на какие смотрины я не пойду, и не надейся. Лучше придумай, как мы вечер завтра проведем. Как и где? Чтобы магический поиск папеньки моего меня не засек. И не забывай, кто тебе золотом платит: отец или я.

– Ты, – признал Изза.

– Я.

– Я тоже спать хочу. Мне из-за тебя влетело, между прочим, – пожаловался лепрекон.

– Полчаса, понял?

– Скотина.

– Что?!

– Ничего, слышалось тебе. Всё. Отбыл.

Елисей проехал по серебряному мосту, кивнул двум «младшим» ведьмакам из патрульной службы. Те скривились, но кабриолет не остановили – прикормленные, знают, кого четыре колеса последней модели домой везут. В любом случае, Елисей почти полностью протрезвел. Голова, правда, болеть начала.

Лифт вознес его на сороковой этаж. Веденеев принял холодный душ, уселся на диване в халате на голое тело и облизнулся: дать Изе с пивом еще пару минут или вызвать?

Из окон во всю стену открывался вид на Сильверград, Город Серебряных Мостов. Вот, несмотря на раннее утро, кипит жизнью вечный Сити-круг – деловой и культурный центр, а дальше виден край Темного Квартала. Кто-то сказал бы, не лучший вид: Темный Сектор – обиталище разного отребья, самый криминальный квартал Сильверграда, но Елисею картинка в окне нравилась. Сильверград, как красный мясной пудинг, – без перца и крови совсем теряет свой особый вкус.

Елисей взял со столика свой безант, такой же потертый, как у отца. Провел холеными пальцами по почти гладкой поверхности. Изза появился в комнате, прижимая к себе две высокие бутылки пива. Быстро он. И переодеться успел – почему-то в длинный плащ не по погоде.

– Ну-ка, ну-ка, – заинтересовался Елисей, приглядываясь к лепрекону. Приказал, подражая говорку простолюдинов из окрестностей: – Не пб́няв. Шо там у те под пальтом? А ну сымай!

Изя помялся и снял плащ. «Под пальтом» у него были белая рубаша, мягкие кожаные брюки, удобные ботинки с толстой подошвой и шипами и... портупея под клинки, «шпильки», серебряные дротики и прочую экипировку охотников на нежить.

– Что это? – ледяным тоном спросил Елисей, отставляя бокал.

– Э-э-э... костюм ведьмака.

– Я знаю, что это костюм ведьмака. Я сам ведьмак. Я спрашиваю: чего ради все ЭТО напялено на ТЕБЯ?

Иzza пожевал губами и неохотно сообщил:

– У меня сегодня съемки на афишу. В костюмах, для выступления... в клубе. Номер о... ведь-магах.

– Да что ты говоришь? – Веденеев нехорошо прищурился. – Прелесть какая! Ах, да, ты ж у нас комик! Как я мог забыть! Ну, давай! – ведьмак поерзал на диване. – Начинай. Охотно заценю твоё творчество!

– Я только начинаю карьеру. Слушай, Еся. Давай потом, а? Хочешь, проведу тебя в клуб, послушаешь... вживую, – протянул лепреконе, глядя в потолок.

– Это само собой. Непременно послушаю. А сейчас считай, что у тебя репетиция. Пока вживую. Не понравится – будет вмертвую. Стэнд-ап выступление – это как раз то, чего мне так не доставало с похмелья.

Иzza со вздохом отошел к телевизору, взял микрофон от караоке и начал «выступать».

– Недавно снял одну цыпочку. Ну... не то чтобы снял, попытался. Дерзкая попалась, из горных нимф, одной харизмой не возьмешь. Кабриолет, клуб... я расстарался, честно. А она такая: *докажи, что ведьмак. И ваще*, – Иzza сделал капризное лицо, – *покажи мне, как ты нежить ловишь*. Я бы слился, но там такие буфера... Ну я звоню пацанам. Короче, ведьмачки, кто в последний раз в Дозоре был, что там ваще? А они такие: ты, чувак, вчера в клубе с трансмагами

зажигал? *Какой Дозор? Это который после дозы?*

Лепрекон замолчал, выжидательно поглядывая на «зрителья».

– Что? – мрачно спросил Елисей.

– Тут все смеются и хлопают, потому что все знают, что ведьмаки из аристократических семей...

– Все! – Веденеев встал и хлопнул в ладоши. – Я понял. Аплодирую стоя. Хотя вообще не смешно. Что там еще дальше, вкратце?

– Ну потом типа я иду в Торговый Квартал и покупаю голову виверны. Приношу ее на свидание. И дальше самый приколы: голова протухла, воняет, и я придумываю всякие отмазки, потому что девушка...

– Зачем охотнику на навях покупать голову виверны? – на лице Елисея было удивление.

– Так все знают, что ведьмаки-мажоры там покупают всякие... доказательства. В Торговом любую дохлую нежить купить можно. Чтобы сдать в Ратушу. Типа были в Дозоре.

– Кто ее добывает, ту нежить?

– Ну... – Изза задумался, – оборотни, трансмаги, вольные охотники... все, кто хочет заработать. Богатенькие ведьмаки неплохо берут дохляков. Точных цен не скажу. Вроде, говорят, сотня шеленгов за хвост кривозуба... или что-то типа того.

– О как! Не знал, честно. Отстал, наверное, от жизни. Так, значит, да? – Веденеев подошел к окну и задумчиво посмот-

рел на город.

– Да ладно! Еся, ты же в одной тусовке с «золотыми»?! – лепрекон дернул плечом.

– Мы... мы вообще давно о дежурствах не говорили. У нас... другие интересы.

– Ага, клубы, машины, девчонки, транс-дурь. Все и так знают, что элита давно в Дозор не ходит. Ты ходишь?

– Не хожу, – процедил Веденеев.

– Ну вот. Благодарю отца – тебя никто не трогает, ты наследник Веденеевых. Другие просто откупаются. Еся, я просто слегка утрировал. Слегка.

– Снимай.

– Что?

– Костюм ведьмака.

– Зачем? У тебя свой есть.

– Есть, но не такой эффектный. И я... не помню, где он.

– Шутишь?! Это мой реквизит! Мне вечером в клуб!

– Успеешь.

– Мне фотографироваться!!!

– Ладно. Иди, запечатляйся. Занесешь костюм к восьми.

Не опаздывай. У меня свидание в восемь.

– Ты же не...

– Я передумал. Если я не ошибаюсь, сегодня меня будут сводить с Марьей Морановой, наследницей корпорации «Живое Зеркало». Перезрелая доченька магната Мора Моранова. Традиционные магические технологии, заветы пред-

ков... Ведьма для ведьмака. И слово «ведьма» в данном контексте – это не про профессию, а про... суть. Я не хотел идти. Но пойду. У меня к этой конкретной ведьме дельце.

Веденеев прошел через душевую и спустился на несколько ступенек к бассейну. Там он сбросил халат, вошел в воду, оттолкнулся от бортика и, блестя смуглыми крепкими ягодицами, начал отрабатывать свою дневную норму плавания.

– Полное имя. Мир.

– Беяна Иннокентьевна Снегова. Мир Четырех Империй.

– Принадлежите к какой-либо магической расе? Вторая, третья ипостаси имеются?

– Не принадлежу. Не имею... ни одной.

Полагаю, ипостась змеи подколодной, на груди пригретой, не в счет. Хотя мои близкие поспорили бы. Отец переживал, что увожу с собой свои рецепты и умелые, а главное, бесплатные руки, столь необходимые в нашей пекарне, мама – что из двух сестер наследство досталось лишь мне, а сестра – что мой ухажер, красавчик Омела, не спешит переключаться на других девушек, даже зная о моем отъезде. Отца я как-то успокоила, с мамой спорить бесполезно, а Омела не дурак. Вряд ли парень, которого я столь категорично отвергла, красавец, спортсмен и музыкант, упустит шанс и не воспользуется щедрым, легкомысленным и очень романтичным предложением Розалины. И ей на каникулах скучать не придется.

Но в глазах родни я все равно – неблагодарная тварь.

– Есть ли маги в роду?

– Есть. Двоюродная бабушка... была. Сестра родная тоже, учится в магакадемии.

Офицер таможни сделал пометку в моем деле. Или что там лежало перед ним в папке, такое пухлое и все сплошь в разноцветных печатях.

Я зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой, и посмотрела в окно. От платформы отходил поезд, доставивший меня в Сильверград. Путешествие было комфортным, но я устала. Теперь нужно разобраться с транспортом и доехать до лавки. Немагам, таким, как я, из одного квартала в другой можно добраться только на специальном общественном транспорте, через серебряные мосты, соединяющие сектора разных миров.

На меня уставились круглые глаза таможенника:

– Скажу честно и прямо. Ваше дело так долго было на рассмотрении, потому что...

– Я немаг?

– Вот, сами все понимаете, Беяна Иннокентьевна. Муниципалитет не мог отказать во вхождении в наследство, разумеется, но, положив руку на сердце, без магических способностей в Сильверграде вам придется очень нелегко. Город беспокойный: нежить шалит что ни ночь, а в последнее время и что ни день. Кланов оборотнических совсем распоясались. Наследство ваше, – офицер понизил голос, наклонился

через стол и постукал пальцем по папке – я машинально подалась вперед, – в Лисьем Переулке. Вокруг – артефакт-мастера, ювелиры, сувениры. Судя по результатам проверочной комиссии, лавка там у вас развалюха-развалюхой, а земля под ней дорогая. В управе несколько сотен заявлений на покупку. Серьезные семьи, даже пара знатных родов, ведьмаки и трансмаги. Всем отказано, так как наследство заверено и наследник жив ... пока.

Он произнес это «пока» так, что мне стало холодно, с сомнением в моей дальнейшей жизнеспособности произнес.

– Мой вам совет: продавайте наследство и езжайте домой. Сильверград руки не подаст и слезам не поверит.

... Вернуться домой? Я вспомнила разговор за завтраком. Отец ел мой прощальный яблочный пирог с лицом, достойным самых печальных поминок, мама злилась, сестра читала учебник с надписью «Непластичная магия», в котором (я подсмотрела ненароком) была спрятана другая книга, содержания весьма фривольного. Впрочем, узнай об этом мама, моя обожаемая, магически одаренная сестричка всего лишь потеряла бы пару баллов в рейтинге «прилежности, скромности и непорочности мыслей». Розочке у нас в семье прощается все.

– До сих пор не понимаю, почему лавка в Сильверграде досталась тебе! – жалобно воскликнула мама, наверное, в сотый раз за утро.

– Смею напомнить условия завещания: причитающиеся Розочке деньги пошли на ее обучение в Академии, а моим уделом бабуля сочла дела немагические. Торговлю в «Старой лавке немагических чудес», – сладким голосом уточнила я.

– Упрямая! Продай землю и поделись с сестрой! – мама стукнула кулаком об стол, у папы залило чаем кусок пирога, от чего он еще больше приуныл.

– Я подумаю, – так же сладко пообещала я.

– Я знаю, за что старая ведьма полюбила Белку, – сестра фыркнула и занесла пальцы над блюдом с пирогом, выбирая кусок порумянее. – Беяна втерлась ей в доверие. Своими «ох, ах!», аккуратными косичками, бантиками и наглаженными платьями. А я всегда была ей не мила. Я была сорванцом.

Не лъсти себе, Розочка. Ты была маленьким, избалованным манипулятором, с ранних лет осознавшим свой козырь – магический дар: о боже, в нашей семье есть волшебница! Кое-кто умело пользовался магией, не стесняясь врать и выставлять лгуньей меня. Хорошо, что бабушка видела всю нашу семью насквозь. Бабуля спасала меня своими частыми приглашениями пожить у нее в Сильверграде. Под предлогом помощи в ее чайной лавке я каждые каникулы уезжала в самое прекрасное место на свете.

...– Подумайте, – еще раз посоветовал таможенник, зане-

ся печать над иммиграционным бланком. – Тщательно все взвесьте.

Кусачая нежить, оборотни или мое славное семейство? Ответ однозначный.

– Благодарю вас, но я решила. Я все-таки попробую, – сказала я, улыбнувшись самой очаровательной улыбкой из всего моего немагического арсенала.

Офицер вздохнул и поставил печать.

Глава 2

Уршурник Елисею достался свеженький, недавно задравший козу главы Торговой Гильдии, а посему поспешно отправленный вольными охотниками на заслуженный вечный отдых. Прихватив "трофей" за заднюю лапу, Елисей шел через зал ресторана тяжелой, усталой поступью натрудившегося героя. Длинный кожаный плащ был обильно заляпан по подолу черной «кровью». (Плащ у Иззы был стильный, цвета жженого сахара, с серебряными заклепками. Кровь принадлежала безвременно усопшей козе господина Динькова). С подошвы грубых ботинок отваливались комки земли вперемешку с потоптанными ночными фиалками (у здания ресторана имелась милая клумба, щедро снабдившая Елисея визуальными доказательствами «охоты»).

Появление ведьмака-дозорного в ярко-освещенной ресторации, среди расслабленно вкушающих пищу обывателей, вкуче с вонючей темной полосой слизи, тянувшейся за дохлой нечистью от дверей, не оставили посетителей ресторана равнодушными. С аудиоэффектами все тоже сложилось отлично: дохлый уршурник волочился по полу, вонзившись когтем передней лапы в деревянный паркет и издавая тем самым душераздирающий скрежет.

Придется приплатить за ущерб. Вон тот представительный господин, скромно приткнувшийся в нише, не просто

метрлотель – правая рука владельца «Стольного дуба». Лицо задумчивое, но не шокированное – стреляный воробей. Решает, что делать: остановить хулигана, устроить скандал... или обратиться все к взаимной выгоде. Кажется, решил подождать: сделал знак слегка растерявшимся официантам, те шустро распределились по залу, а по углам добавились угрюмые мордастые охранники. Персонал тут тренированный: и атаки навших отражать, и буйнов утихомиривать, но палку не перегибать. Правильно. Если ведьмаку хочется развлечься, не стоит ему мешать, даже в таком пафосном месте. Сильверград держится на таких, как Веденевы и... Морановы.

Рядом с отцом, глаза которого медленно наливались гневом и кровью не хуже уршурниковых, сидела эффектная молодая дама. Красивая... словно сама тьма. Волосы, будто черное зеркало, глаза синие, бездонные, ресницы – смоляной веер. Морановы. Старый род, нехороший, известный близостью к темной древней магии, но для города полезный. Столько лет сидели в своем замке на Холмах, не особо интересуясь делами Сильверграда, а пять лет назад начали появляться в высшем свете.

Марья была старшей из двух сестер. Двадцать восемь лет, финансист компании отца, занимается благотворительностью, ни разу ни с одним явным любовником на публике не засветилась. Младшая сестра редко в свет выходит. Как ее зовут, Еся запомнил.

Семья Морановых спонсировала школы магии, обеспечи-

вая детям бесплатное питание, устраивала благотворительные концерты и ярмарки, основала три приюта для сирот и каждый год выделяла несколько сотен килограммов серебра для сеток над городскими мостами.

Елисея узнали. Посетители перешептывались, с опаской поглядывая на труп уршурника. Еся свалил добычу у стола, сел, игнорируя пронзительный батюшкин взгляд, вытянул из серебряного кольца льняную салфетку и с глухим стоном замотал ею кровоточащую ссадину на тыльной стороне ладони. Ссадину он получил уже в честной битве – пряжкой от португеи, когда с боем сдирал с упирающегося лепрекона его сценический костюм.

– Устал, – доверительно «признался» ведьмак, обращаясь к Морановой.

Та сверкнула глазами, Елисей был готов поклясться, что в них была усмешка. Кажется, ведьмак развлек ведьму. Это хорошо, это по плану. Зато отец пылал негодованием:

– Это что за...?!

– Я с дежурства, – Еся кивнул, сложив губы в усталую, но удовлетворенную улыбку.

– С какого еще дежурства? Тебя исключили из Дозора! Три дня назад!

Что ж, следовало ожидать. Чему тут удивляться? А отец-то так зол, что даже не постеснялся спалить сына перед потенциальной невесткой.

– Можно убрать ведьмака из Дозора, но нельзя убрать До-

зор из ведьмака, – Елисей схватил стакан, шумно захлюпал, пуская воду на рубашку.

Ему обидно? Больно? Он пару лет в Дозоре не был, а новость ударила под дых. Еся вытер ладонью подбородок:

– Пойду. Отнесу его в Рату...

Елисей кивнул на труп и застыл, не договорив. Навья тварь только что лежала не так. Вот та задняя лапа была подогнута, а сейчас она вытянута. Подтверждая догадку ведьмака, лапа судорожно дернулась.

Воскрешение уршурника стало кульминацией и без того интересного вечера. Навья пронесся по залу, попрыгал по столам, завывая от прикосновения столового серебра, и взвился на стену. Зашипел, готовясь выпрыгнуть в открытое окно, лязгнул окровавленными клыками на подобравшегося ближе охранника.

Вспомнилось давно забытое, из курса по пещерным тварям: гниловики или уршурники могут часами притворяться мертвыми, даже специальную жидкость выделяют.

– Навь левая! – выругался Елисей на бегу, устремляясь за нежитью.

И чего хотел? Поймать? После двух лет сытой жизни без специальных тренировок, стрельбы и жестовой магии?

И все же тело помнило. Ведьмак обнаружил, что стоит одной ногой на столе, второй на пустом стуле, опершись на макушку пожилой дамы и подняв в воздух правую руку. Ладонь была пуста. И ножны на портупее – тоже. На стене по-

дышал пришипленный серебряным «жалом» уршурник. Попал, значит, бывший дозорный. Не безнадежен.

– Пардон, – сказал Елисей, убирая ладонь с головы дамы.

Старушка негодуяще щелкнула острыми зубами. Оборотень. Скандалу – быть. За спиной Еси Роман Евстафьевич с громким вздохом полез в карман за чековой книжкой. Перфоманс удался.

... Елисей в который раз убедился, что самой мощной и непреодолимой магической силой на свете обладают... деньги. Через несколько минут загаженный останками нежити угол был отгорожен, а в качестве извинения на каждом столике появились бутылка дорогого вина и блюдо с Алтазанскими устрицами во льду. Даже старушка-оборотень, чью напудренную прическу Еся нечаянно смял до блина, сменила гнев на милость.

Отец уехал, устало погрозив кулаком, мол, поговорим еще, дай срок, и разговор приятным не будет. Елисей переоделся в туалете отеля, упаковал костюм и остался поджидать Изю у входа ресторана. И не только Изю. Она ведь клюнула. Выйдет.

Мимо прошли дозорные с трупом уршурника в посеребренном мешке. Кивнули, поздоровались, переглянулись украдкой. Один подошел. Еся откровенно раскрыл старшине дежурной дюжины, химеру Толли Сагусу, подробности своего хулиганского поступка: и где дохляка брал, и как по-

том его нечаянно укокошил. Сказал, что на отца разозлился. И не солгал почти. Сагус посмеялся в усы, выписал штраф и неожиданно сказал:

– Хороший удар. В Дозор вернуться не думал?

– Вот так... просто? – поинтересовался Еся.

– Не просто, курсы выживания и боя заново пройдешь. Честно скажу: мы всем сейчас рады, небрезгливым, неробким, у кого магия в крови течет. Тяжко нам в последнее время приходится, нежить, видно, решила на измор взять. Да еще появились в городе воры-медвежатники, охотники на артефакты. И их тоже на нас повесили. Не слышал? У твоих... друзей, – Толли сделал едва заметную паузу, – ничего не пропадало?

– Да нет... вроде.

– Ну и ладно. А то я подумал, у вашего брата этого добра много, верно ведь?

– Много, – согласился Еся.

Его приятели, ведьмаки из богатых семей, артефакты действительно любили. На свете много полезных магических вещей, с которыми мир становится намного... интереснее. Например, волшебные штучки, испускающие транс-магию, от которой кайф побольше, чем от обычной дури.

– Надумаешь – ко мне обращайся, – сказал старшина. – Я к себе в Дозор возьму. Но только если уж... наверняка, не как в тот раз.

– Да, я понимаю.

Сагус ушел, а Елисей почему-то с волнением глядел дозорным вслед. Заметил движение у дверей ресторана и посмотрел туда. К нему шла Марья Моранова. Улыбалась. С такими фигурой и лицом могла бы женить на себе кого покруче. Вон Арман Ганье, дракон из Двенадцати Родов, племянник мэра, холостяк до сих пор, красавец, с обложек светских журналов не слезает. За что такая честь Есе-ведьмаку?

– Почему мне кажется, что все это было не по-настоящему? – вкрадчиво спросила Марья Моревна.

И голос хорош. Обволакивает, расслабляет... отупляет. И запах... Елисей его помнит. «Белый сон», духи по триста шелленгов за унцию.

Еся промолчал, не видя смысла в ответе. Не дождавшись его реакции, девушка подошла ближе.

– Эй, – весело сказала она. – Не дуйся. Я тоже не в восторге от этих... смотрин. Но что поделать? Да, мы взрослые люди, можем и сами решить, кого выбрать, но долг наш – то крови долг.

Елисей усмехнулся. Крови? Это точно.

Марья подошла вплотную. Приподнялась на каблучках, заглянула сапфировыми глазищами ведьмаку в лицо. Принюхалась, зрачки расширила.

– Медведем пахнешь. Ты мне нравишься, Елисей. Медведь-маг.

Еся повторил ее движение, нагло заглянул в вырез роскошного серебристого платья:

– А ты мне – нет... Царевна-Лебедь. Черная Лебедь. Лебе-душка... без души.

Марья отшатнулась, побледнела:

– Откуда знаешь?

– Ну... скажем, кое-кто видел твою Тень¹, – Елисей издевательски улыбнулся.

– Не может быть! Как?! Это был... ты?!

– Я? Не-е-ет, – протянул ведьмак. – Ты спрашивала, за-чем это шоу? Для тебя. Ты ведь Лебедь Черная. Вы лжи не терпите. В старые времена вы женихов тщательнее выбирали. Сначала постелью: хорош – не хорош. Затем Правдой и Кривдой. А жениха солгавшего, вы, лебеди, раньше... – Еся сделал вид, что вспоминает. Изобразил целую клоунаду: отшатнулся, прижал ко рту ладонь: – Свежевали и сжирали... живьем?! И меня сожрешь?

– Кто?! – Марья Моревна смотрела на него потемневшими глазами.

– Не скажу. Секрет. Не оставите меня в покое – по всему городу разнесу, что Морановы душу Нави продали.

Елисей заметил Изю, выходящего из такси и, уходя, бросил:

– Не любба ты мне.

И не услышал тихого, вслед:

– Не пожалел бы...

¹ Тень выдает тайную ипостась черного мага

Марья купила себе квартиру в центре Сити-круга с видом на памятник основателю Первого ведьмацкого рода, подальше от своего темного родового «гнезда» на Холмах. Ей нравилось сюда возвращаться. Жаль, что много времени приходилось проводить в других местах, тайных. Но теперь тайное грозило стать явным.

Марья прошлась по комнате, посмотрела в окно на ярко освещенную Ратушную Площадь, подошла к стене и стукнула кончиком пальца по овальному, в бронзовой раме, зеркалу на стене. Впрочем, бронза была не бронзой, а зеркало – не зеркалом.

– Дух, явись.

Зеркало молчало. В последнее время Дух совсем отбился от рук: смел хамить и уклоняться от вызова.

– Молчит? Наверное, выдохся, – задумчиво протянула Марья. – Жаль. Первое мое творение. Стекло из костной муки мертвецов, основа на крови девственниц, рама дорогая, слюной дракона закаленная... С другой стороны, на курсах управления гневом говорили, что к вещам привязываться нельзя. Решено! Амальгаму пушу на декокты от морщин, бронзу на артефакты переплавлю.

Долго ждать не пришлось: в середине зеркала возникло сонное лицо Духа. Зевающая физиономия вытеснила Марьино отражение. Дух раскрыл глаза и с преувеличенным удивлением воскликнул:

– Хозяйка! Припозднились вы! А я тут... задремал немно-
го.

– Скажи мне, Дух, красива ли я? Есть ли в Сильверграде
девы, мне красотой подобные?

– Ну, насчет девы я бы...

Марья шикнула. Зеркало покладисто продолжило:

– Вы прекрасны. Оком своим зорким смотрю-ищу-оби-
деть хочу. Нет, не нахожу! Красивее вас в Сильверграде нет
никого! Другое дело за пределами...

– Переплавлю!

– Молчу, молчу!

– Тогда почему он... – Марья сорвала с плеч шелковый
шарф, – спровоцировал меня?! Как он посмел?! И откуда
узнал?! От кого?! Дух, отыщи того, кто видел мою Тень! Тень
моего Лебеда!

– Вашу Тень?! – ужаснулось Зеркало. – Горе-то какое, Хо-
зяйка! Но я даже не представляю...

Марья приблизила к зеркалу лицо. Прошипела:

– Не забывайся! Я душу бессмертную продала ради вто-
рой ипостаси и таланта магического. И тебя продам! Ты до-
рого стоишь! О, морщинка! Мне срочно нужен декокт!

– Есть у меня одно предположение, – сдался Дух. – Включу
Око видящее, поразмыслию.

– Мысли. Только не тяни. У меня все есть... кроме вре-
мени.

Глава 3

– Вот и закончилась сказка, – с грустью сказала я, оглядываясь по сторонам. – А планов-то было! Громадьё!

Дом был в печальном состоянии: крыльцо изъели древо-точцы, в подвале потрескалась и грозила рухнуть глиняная стена, крысы попортили мебель, которая еще хранила запах съестного и специй. Зато окна почему-то стояли целыми – ни одного разбитого хулиганистыми мальчишками стекла. На подоконниках, с наружной стороны, лежали плоские кабашоны-самоцветы. Я благоразумно не стала к ним прикасаться. Не знаю, кто разложил артефакты для защиты окон, но это точно была не бабушка.

Дом три года стоял пустым, а ведь известно, что жилье, лишённое человеческого присутствия, ветшает с ужасающей скоростью. Внизу лавка, кладовая и кухня, наверху две спальни, крошечная гостиная и ванные. И везде нужен ремонт.

На следующий день после того как я вселилась, меня весьма оперативно навестили представители Городской Комиссии по благоустройству. Посмотрели, похмыкали и вручили предписание, по которому я должна была в течение трех месяцев привести дом в надлежащий вид, согласно пункту бла-бла-бла положения номер бла-бла-бла Устава по городскому бла-бла-бла. После ухода комиссии я села и набросала на ли-

сточке бумаги столбики цифр. Картина получилась невеселая. Даже если я в самое ближайшее время «расторгуюсь» и начну получать приличный доход (что маловероятно), он весь уйдет на восстановление дома.

Достала из чемоданчика мешочек с золотом. Несколько лет самым наглым образом я утаивала от семьи часть выручки от продажи пирогов, пирожных и булочек. И мне совсем не стыдно: пироги, булочки, корзиночки с джемом и эклеры я готовила сама, просыпаясь до восхода солнца, пока другие девушки бегали по свиданиям. Однако всего накопленного хватит разве что на замену пола.

И что мне делать? Стоит ли рвать жилы, хватаясь за прошлое? Вот тут я любила сидеть, пока бабушка обслуживала покупателей, а вон там стоял кукольный домик. А там... И запахи. На глаза навернулись слезы. Бабуля умерла три года назад, когда мне было семнадцать. На самом деле, я была ее внучатой племянницей, но никогда об этом не вспоминала. Как и она. Любимая бабушка – и все!

За три года улица, на которой стояла «Лавка немагических чудес», изменилась до неузнаваемости. Маленькие садики по соседству сменились магазинчиками на каждом свободном пяточке. Когда я поднималась в горку со своим чемоданчиком, владельцы лавок, сплошь дворфы, высыпали из дверей. Я насчитала целых семь штук окладистых бород. Просто какая-то тотальная одворфизация! Глобальное овергномирование! И глаза, которыми они провожали меня до

лавки, были злыми-недобрыми! Еще один повод бежать отсюда подальше. Нет ничего хуже, чем противные соседи!

Да, я помню: Сильверград руки не подаст и слезам не поверит. Как говорила бабуля, во всех непонятных ситуациях пей чай. Я нашла старый кофейник в ящике под раковиной, вымыла его и поставила закипать. Чай я привезла с собой – от старых запасов бабушки ничего не осталось, лишь запах липового цвета на кухне. С чашкой чая вышла во внутренний двор, некогда мое любимое место для игр. Посидела на теплом гладком валуне посреди садика. Белая роза, которую бабушка посадила в мою честь, совсем одичала. Зато яблони усеяны крошечными яблочками. Будет, из чего печь пироги. Ах нет, не будет. Продам землю и уеду. Только не домой. Нет-нет. Ни в коем случае!

В голову что-то несильно ткнулось – в волосах запутался крошечный бумажный самолетик. Никак не привыкну к этой почтовой магии. А вот мои бывшие одноклассницы, Сонечка и Лизочка, переехавшие в Сильверград сразу после окончания школы, похоже, совсем тут освоились. В своей записке они приглашали меня в клуб – отпраздновать приезд. И, похоже, это сразу будет вечеринка-проводы.

...– Даже и не думай из Сильверграда уезжать! – заявила... Сонечка? Или это была Лизочка?

Я так и не научилась их различать. Близняшкам за двадцать, а они до сих пор одинаково одеваются (на самом деле

я всегда им завидовала: мне с Розочкой так не повезло). В школе мы закадычными подругами не были, но на мое письмо сестры ответили с энтузиазмом. Обе прониклись моей ситуацией и взяли на себя роль более опытных *смотри-и-дейлай-как-мы* приятельниц. Одна из них (с помадой более темного оттенка – они отличались лишь этим) строго выговаривала мне за бокалом легкого имбирного вина:

– Ты с ума сошла? Уехать?! Это же Сильверград! Не слушай никого! Тот таможенник небось получил указания от желающих землю под домом купить, вот и запугивал. Немаги в Сильверграде еще как устраиваются, весьма недурно! Посмотри на нас с Лизочкой, – ага, я не ошиблась! Это Сонечка! – обе сидим в отделе каталогизации, в Управлении по контролю над миграцией. И знаешь, за что нас ценят и по службе продвигают?

– Нет.

– За то, что мы немаги! Мы всегда на виду. Артефакт подслушивания не установим, через портал ничего не пронесем, начальнику приворотное не сварим.

– А купить? – наивно поинтересовалась я. – Ну... приворотное.

– Купить, конечно, запросто... но, – Сонечка наклонилась поближе: – кто на нас подумает? Мы же немаги – робкие, запуганные и волшебства боимся.

Судя по хихиканью близняшек, сестры очень неплохо устроились в городе, где правит магия.

– Продавай землю, – веско посоветовала Лизочка. – Если кто-то на нее глаз положил, жить тебе спокойно все равно не дадут, против сильной магии нет приема, кроме более сильной магии. Купишь себе жилье. Например, в Дивном Квартале. Дороговато, но зато соседство такое, – сестры синхронно закатили глаза. Я так понимаю, это они о всяких там наядидах, дриадидах и прочей нимфомании. – И начинай жениха подыскивать. Главное, не химера и не кровососа какого-нибудь. Дивные – тоже так себе мужья, развлечься разве. А вот оборотни попадают хорошие.

– Я лучше за... немага, – робко призналась я. – Я их боюсь, оборотней.

Сонечка фыркнула:

– Немага ты и у нас, в Кривовцах, могла бы подцепить. Целься выше. Что ни говори, а деткам магию передать – дело хорошее.

Мы выпили за деток, магию и немагов. На сцене появился молодой человек, судя по виду, тоже Дивный. Мы до слез смеялись над его байками о ведьмаках. Не знала, что ведьмаги Сильверграда такие лентяи, всегда считала их героями и борцами против навых. Затем на сцену вышел фокусник. Гостей клуба он удивлял тем, что показывал всякие необычные трюки без использования волшебства: вытягивал из рукава бесконечную ленту, рвал и собирал вместе игральные карты и прятал в цилиндр голубей.

В ходе представления ему потребовался помощник из за-

ла, и я храбро взялась спасти застрявшего в таинственных коробках кролика. Не знаю, что на меня нашло. Наверное, вино в голову ударило. Факир поставил шуточное условие: чтобы спасти бедную живность, нужно спеть. Мне уже море было по колено, и я завела старинную народную песню о несчастной деве, выданной замуж за некроманта.

Голосок у меня всегда был приятным, хоть и несильным, и посетителям клуба явно понравилось. Если бы я знала, насколько, немедленно дала бы деру.

*На румяно яблочко капает слеза,
Было вольно дитяtko, дочка-егoза,
Стала дево́й красною, толстая коса.
Кто жених твой, милая...*

Как только дошла я до момента появления в сюжете песни постылого мага, его мертвого коня и прочей жути, в глубине зала возник темный силуэт. Мимо столиков к сцене шел высокий молодой человек. Черты его лишь угадывались под... черным клубящимся туманом выше пояса. Лицо было в тени, во вспыхивающей молниями искристой мгле, а тело изменялось с каждым шагом, приближавшим юношу к сцене. Вот взвились над плечами два перепончатых крыла, стали расти. И сам оборотень подрос, заковылял, словно крокодил, вставший на задние лапы. Глаза выступили из тьмы... алые глаза.

Песня застряла у меня в горле. Фокусник куда-то исчез, а из-под круглого столика с реквизитом во все стороны прыс-

нули перепуганные кролики.

Подойдя к сцене, молодой нечеловек сгреб меня своими огромными лапищами, быстро зарастающими чешуей (на каждом пальце оборотня был здоровенный коготь), словно пушинку, и закинул к себе на плечо, просто не обратив внимания на слабые попытки сопротивления. Да и сопротивляться у меня особо не получалось, я была в ужасе и все надеялась, что это страшный сон... или галлюцинации от вина.

Оказавшись в очень пикантной позе на плече похитителя, под пологом свесившихся волос, я видела, как черная шелковая рубашка (отличного, кстати, качества) всасывается под антрацитовую чешую. Чудовище пробежалось по залу, в лицо мне пахло прохладным вечерним воздухом. Обретя дар речи, вернее, визга, я полными легкими выразила свое возмущение. Оборотень его проигнорировал, взвился в небо – о Навь левая! – внизу промелькнула площадка перед клубом, гладь бассейна, удивленная физиономия какого-то задравшего кверху голову мужика, очертания автомобилей, быстро превратившихся в игрушечные, и я провалилась во тьму.

...Очнулась на крыше, лежа поперек груди молодого человека, успевшего вернуть себе человеческую ипостась. Луна, звезды, кто-то надрывно воет вдалеке.

Вскочила, отбежав по скользкой черепице на пару шагов от психа. Тот остался лежать, подложив под щеку сложенные ладони и сладко посапывая. Чешуя исчезла, черная рубаш-

ка и джинсы вернулись на место, юноша был бос, в правую лопатку медленно втягивалось перепончатое крыло. Оно исчезло, словно и не было никакой трансформации, даже дырок не осталось. Жуть какая!

Да, это он, мой похититель. Он что, спит?! Вот же нелюдь! Напугал до смерти, поглумился (это я в переносном смысле – со мной, судя по ощущениям и беглому внешнему осмотру, все в порядке, тошнит только)! А теперь дрыхнет как ни в чем не бывало! Я от души пнула оборотня ногой в туфельке (вторую потеряла в полете). Постаралась выбрать место мягче, но и то, что выбрала, оказалось ударопоглощающим, упругим... хм... мускулистым. Псих только пошлепал губами и пробормотал:

– Отстань, навья ведьма!

Ничего себе! Еще и обзывается! Склонилась над мерзавцем, вглядываясь в лицо. Занесла ногу, чтобы пнуть еще раз, разбудить, наконец, и высказать все, что накипело! Но задумалась. Даже принюхалась. Спиртным почти не пахнет, пахнет... медом? Интересно, существует ли наркота на меду? Мёдамфетамин? Или чем он там накидался до беспмятства? Не медовухой же.

Странно. Не то чтобы я в оборотнях разбираюсь, но в лавке бабушки их бывало немало, вот я кое-что и помню. Некоторые ипостаси до сих пор навскидку определяю. Они всегда накладывают на внешность человека соответствующий отпечаток. Взять, например, драконов. Мужчины из Двенадцати

Драконьих родов всегда высоки и жилисты. Черты лица острые: скулы, челюсти. Нос крупный, глаза глубокие – изнутри будто смотрит кто, бр-р-р, – темные, близко посаженные. Красивые твари. И этот... урод... тоже красив. Но не дракон. Лицо мужественное, но черты более гармоничные, человеческие.

Налюбовавшись похитителем, я наконец-то подошла к краю крыши и осторожно огляделась. Благая Правь! Это куда же ты меня занес, сволочь?! Да еще и в полнолуние! Где-то проникновенно выли, полная луна освещала кирпичные многоэтажки с наружными лестницами из железа и лабиринты переулочков. Повсюду чернели провалами в асфальте огромные, исходящие паром люки. Темный Квартал! Я тут один раз бывала, мы с бабушкой какой-то заказ отвозили. Что делать? Время позднее, транспорт не ходит, денег нет – сумочка в клубе осталась. Сама я по мосту перейти не смогу, да и где он, мост?!

– Вставай, слышь! Ну вставай же! Нас сейчас сожрут! Пустят на органы! Тебя не знаю, а меня точно!

Очередная попытка растолкать парня успехом не увенчалась, он лишь опять обозвал меня бездушной ведьмой и почему-то лебедем. Ну и оставайся тут, сам виноват, наркоман-алкоголик-хулиган медовый! Я бросилась к двери на лестницу. К счастью, она оказалась открыта. Тихо сбежала вниз, выскочила на улицу. Вроде никого. Сразу сбила босую ногу о булыжники мостовой. Похромала, стараясь держать-

ся в тени.

Не помогло. Из люка впереди выбрались трое. Я вжалась в нишу за кирпичным выступом, умом понимая, что это глупо. Решила обмануть оборотней? Они мой запах, должно быть, еще в своих катакомбах учуяли, на нижнем уровне, поэтому и вылезли. Некоторые оборотни в силу своих совсем нечеловеческих ипостасей предпочитают передвигаться под землей. Там у них и каналы есть, для водных видов. Благая Правь, помоги, защити! Отведи беду!

Несколько бесконечных минут было тихо. Затем передо мной бесшумно вырос здоровенный парень. Сказал, чуть ли не облизываясь... нет, действительно облизываясь:

– А кем так сладко пахнет? Кто тут у нас? Девица? О кошачьи боги, спасибо! Парни, нам сегодня крупно повезло!

Оборотень выволок меня из-за выступа. Теперь я смутно видела всю компанию, зато им, чтобы меня разглядеть, свет не требовался.

– Ого! – сказал один из них. – Действительно повезло, Фэл. Сладенькая какая. Ты тут одна?

– Нет! – встрепенулась я. – Я не одна! Я...

– Одна, – сказал Фэл, поведя носом. – Никого рядом не чую. Ну-ка проверю ее на артефакты. Мало ли.

Оборотень крепко прижал меня к себе, ерзая лапищами по бедрам. Глумливо пробормотал:

– Мур-мур.

Я взвизгнула, вывернулась и вlepила ему пощечину. По-

пыталась вклеить – он молниеносно уклонился.

– Ну-ну, деточка. Не стоит, право.

Горло мое охватила мягкая лапа, а острый коготь слегка нажал на кожу. Именно слегка, в том месте, где билась жилка, но я была уверена, что он остер, как бритва. Один из оборотней передал Фэлу самокрутку, тот затянулся, и в неярком свете от тления кончика я смогла хорошо рассмотреть лицо обладателя мягких лап. Припухлости у рта, вытянутые глаза, небольшой круглый нос. Кто-то из кошачьих. Обычных домашних кошек среди оборотней нет, хоть они и называют себя кошками, а вот всякие гепарды... барсы... Гепарды быстро бегают, барсы хорошо лазают. Мамочки!

– Ты тут одна? – несколько встревоженно повторил приятель Фэла.

– Одна, – ответил за меня Фэл. – Потянуло на приключения? Пришла проверить, так ли хорошо оборотни понимают в любви и прочих развлечениях, как о них говорят? К нам таких девочек-припевочек много заглядывает. Не хватает обычных парней? Так это ты удачно зашла. Познакомимся поближе?

– Она явно не одна из них, – возразил его подозрительный друг. – Слишком испуганная. Страхом пахнет.

– А зачем бояться? – Фэл сладко улыбнулся. – Не нужно нас бояться. Мы просто немного развлечемся, да, крошка? И отпустим тебя. Правда-правда!

Третий кошка, до сих пор молчавший, хрипло засмеялся,

смех перешел в подобие громкого мурчания.

– Я не одна, – быстро проговорила я, слегка задыхаясь в лапах кошки. – Со мной... ведьмак. Там... подальше... наверху... на крыше... можете проверить.

– Ведьмак? – еще больше напрягся боязливый.

– Не слушай ее, Фэл, – сказал третий. – Какой еще ведьмак? Кто их в последний раз тут видел, ведьмаков? Ну разве что в трактире, кхыр-р-р. Заливает и не краснеет, а по виду такая милая.

– Пожалуйста, проверьте! – воскликнула я. – Он там! Я действительно не одна, просто...

– Она не одна.

Тихий голос донесся из тени. Кошки подпрыгнули от изумления, Фэл тихонько зашипел и наконец-то выпустил меня из лап. В лунном свете мелькнули его острые когти.

В круг света, упавшего из окна выше, выступил невысокий светловолосый парень с острыми ушами. Я вгляделась в него, гадая, чего мне ждать: спасения или еще одну неприятность. И почему он кажется таким знакомым?

– Ты кто такой? – спросил Фэл. – Дивный? Почему мы тебя не почуяли и не слышали?

– Наверное, вы были очень заняты? – с невинной улыбкой проговорил парень. – Я лепрекон. Знаете, кто такие лепрекконы?

– Ну... слышали, – кошки переглянулись. Глаза у них азартно засветились, они стали медленно сжимать круг, в

центре которого оказался светловолосый.

– Вижу, что слышали, – без признаков испуга одобрительно заметил лепреккон. Еще один псих? Да его сейчас поймают, как мышь! – Мы, лепреконы, закапываем клады. Стоит поймать лепреккона – и клад ваш. Глядите!

Парень вынул из кармана золотую монету. Ярко сияя, она поднималась с его ладони все выше и выше. Кошки заворуженно провожали ее взглядами. Их движения замедлились. Фэл утробно замурчал. Сияние от монеты преломилось в лунном свете в широкую радугу.

– Видите? Клад там, где кончается радуга. Найдите ее край – и копайте смело. Поспешите! Она уходит! – воскликнул лепреккон... и захихикал.

Монета действительно летела по воздуху. Обратные медленно двинулись за ней, механически переставляя ноги. Как зомби (не дай бог, конечно). Я обнаружила, что тоже стою и тарашусь вслед радуге, а парень, назвавшийся лепреконом, крепко держит меня за руку... и смотрит на меня с изумлением:

– А вы? Вы не почувствовали зов?

– Что? А, вашу магию! – догадалась я. – Нет, я же не оборотень. Спасибо вам огромное! Вы так вовремя пришли! Я вас вспомнила! Вы комик из клуба.

Лепреккон отступил и церемонно поклонился:

– Иззантидинтэн Валуриус, к вашим услугам. Можно просто Изза.

– Беляна Снегова. Белль. Очень приятно. Они не вернутся?

– Вернутся. Нам нужно уходить. А где...? – Изза повертел головой.

– Кто?

– Ну, этот... – лепрекон сделал движение руками, словно машет крылышками.

– А, тот негодяй! Там, – я хищным жестом указала пальцем на крышу. – Дрыхнет! Меня тут чуть не... а он дрыхнет! Я подам на него в суд, непременно подам! А вы? Вы видели, как он меня похитил и пришли спасти?

– Как бы... да, – Изза стушевался. – Почти. Дело в том, что я помощник господина Веденеева.

– Я думала, вы комик!

– Это долгая история.

– Так вы с ним заодно?!

– Что вы?! – лепрекон замахал на меня руками. – Всячески не одобряю и даже осуждаю! Однако как человек подневольный... Произошла нелепая... в общем, давайте поскорее уйдем! Оборотни довольно стойки к дивной магии. Я отвезу вас домой, а в дороге объясню... ситуацию.

– А этот? – я указала на крышу. – Мне не особо его жаль, не думайте. Просто он спит, а некоторые оборотни прекрасно лазают по стенам! Вольно мигрирующим из глубин мира убить ничего не стоит! И в диких ипостасях они жрут все подряд! И говорят, могут вживлять в себя украденные... ор-

ганы, – меня снова затошнило, уже от понимания степени опасности, которой я подверглась.

На лице Иззы появилось мечтательное выражение. Он смотрел на крышу дома, где спал мой похититель, затуманенным взором:

– Да... залезут... и сожрут... – медленно проговорил лепрекон. Затем он сердито встряхнулся и махнул рукой: – Да что ему сделается? Он же ведьмак. Поспешим. Вы немаг? Провезу вас через мост и прямо к вашему дому. Понимаете, Еся виноват... но он не виноват. Я уверен, что это было недоразумение!

Глава 4

«... Таки не смешите мой темперамент! Если бы каждый уважаемый себя лепрекон слушал каждого начитанного сказками пацана и отдавал ему нажитое нечестным, но утомительным путем, мы все давно бы вылетели в трубу, как нетопырь Гойша, который невнимательно пришел к своей мадам незадолго до возвращения ее мужа.

Когда в темном переулке моего дядю Эшу поймали два борзых оборотня с целью сделать себе гешефт на кладах, дядя Эша с невинностью на лице привел их под радугу, что была на табличке в радужном квартале над клубом «Э-ге-гей!», и благоразумно сделал обратный ход. И шо в итоге? Несерьезной гопоте не досталось ни одного клада и ни одной девушки, шоб и под юбкой тоже она».

Из выступления стэнд-ап комика Изи Валуриуса

Нынешнее рандеву в кабинете Романа Евстафьевича было бы полным дежавю, если бы не наличие рубашки, бóльшая степень запыленности (дождей в Сильверграде не было уже неделю) и отсутствие характерного похмельного амбрэ.

Вздохнув, Веденеев-старший начал медленно доставать из ящика стола и выкладывать на зеленое сукно документы разной степени официальности.

– Заявление в полицию. С трудом перехватил в управе. От

потерпевшей. Ты обвиняешься в похищении и... считаешь, тут большой список. Вот это свидетельские показания присутствующих в момент... хм... похищения, собранные подружками девицы, очень, скажу тебе, ушлыми барышнями. Это копия. Оригинал до сих пор у них. Что скажешь?

– Денег им побольше дай, – неохотно пробурчал Еся, отводя взгляд.

Спокойствие отца его очень нервировало. Роман Евстафьевич реагировал на очередную проделку сына с подозрительной мягкостью.

– Пытался. Не хотят. Чуют, что на интервью для «Искушенного Знатока» больше заработают. С немагами, Есенька, сейчас очень трудно. Это раньше их можно было жрать и нежить на них подманивать, а сейчас везде толерантность и гуманизм. Партия «За права немагов», слышал? В этом году впервые на выборах вошла в Палату Общин.

– Плевать мне, – мрачно сказал Елисей, – с девчонкой я договорюсь.

Елисей покосился на Изю, который, сидя на полу у окна, с умилением на лице играл двумя золотыми монетами. Лепрекон подбрасывал их в воздух и заставлял крутиться. Одну монету Еся передал ему в качестве компенсации (за золотой солид, пожертвованный на благое дело в Темном Квартале), вторую, внеочередную, лепрекон выцыганил с формулировкой за «сокрытие улик» и «подвергание своей особы смертельной опасности во время выполнения мероприятий

по защите доброго имени хозяина». В ответ на вопросительный взгляд Елисея, Изя цокнул языком и покачал головой, словно еще раз повторил то, что сказал утром: «не договоришься, не тот случай».

Роман Евстафьевич расстегнул пиджак и ласково проговорил:

– Ах так?! Уверен в своей неотразимости? Или застрашать хочешь? Ну тогда на закуску тебе. На, читай!

Еся шагнул и взял со стола листок бумаги.

– Вслух читай! Утром пришло. От мэра.

– «Уважаемый Роман Евстафьевич. В ответ на вашу записку уведомляем вас, что причин для беспокойства нет. Дракон-сообщество не усмотрело в поступке вашего сына никаких оскорбительных действий. Напротив, наша Диаспора выражает свое полное одобрение. Нам весьма импонировал выбор ипостаси вашего сына во время проведения обряда. В то время, как молодежь Сильверграда все чаще отказывается следовать непреложным заветам и традициям наших предков, ваш сын, популяризовав древний обычай Выбора Невесты, вдохновил своим примером многих молодых людей Двенадцати Драконьих родов. Надеемся на благополучное завершение периода ухаживания. Напоминаем о том, что во избежание недопонимания в ситуации, сложившейся в городе в настоящее время, неблагоприятно было бы оказывать на избранницу вашего сына какое-либо давление. Представительница человеческого немагического рода Б.И.

Снегова должна принять решение самостоятельно до окончания текущего квартала. Дракон-сообщество будет и далее следить за развитием отношений вашего сына и его невесты и всячески им содействовать. С уважением, глава Сакральной Дюжины, мэр Сильверграда Стронциус Стойкий». Что это? – бледными губами проговорил Елисей.

– Это ты меня спрашиваешь? – Роман Евстафьевич наконец-то стал самим собой и проорал: – Почему дракон?! Так-рстак! Почему не нетопырь?! Не грифон?! Почему не медведь, в конце концов?! Наша потомственная ипостась – медведь! Никого не оскорбляет, всем хорошо!

– Отец, это не я! Я не...

– А кто?! Кто утащил Б.И. Снегову прямо со сцены и нагло пролетел с нею прямо над поместьем мэра! Совсем страх потерял, соплюх?!

– Меня кто-то подставил! Я чувствовал чары! – завопил Елисей. – Я вообще ничего не соображал! Я не знаю, почему дракон?!

Роман Евстафьевич сел и застегнул пуговицу на пиджаке. Проговорил тише, перекладывая бумаги:

– Не смейся меня. Чары на нас, ведьмаков, не действуют. Признайся, что опять надрался и начал барагозить. Сил моих нет, в последний раз тебя из дерьма вытаскиваю. Спасибо мэру, что есть шанс все это замять. Стронциус, полюбовавшись на твой... свадебный полет, послал помощников поинтересоваться, что за хрень происходит. В клубе сказали, что

прежде чем похитить девицу, ты высказывался, в своем стиле. Мол, оценил ее прелести с места, громко и вслух. За соседним столиком сидели белые медведи, подтвердили.

Елисей машинально посмотрел на Изю. Тот многозначительно кивнул: «оценил-высказывался-слышали-подтвердили».

– Благодарю богов, что мэр расценил твой взбрык как реверанс в сторону Драконьей Диаспоры. Поскольку все это было принято за драконий обряд, быть посему. Отправляйся домой. Приведи себя в порядок... и чтоб не как в прошлый раз! У тебя три месяца, сто дней. Таков драконий обычай. С девицей договор подпишем, по-серьезному. Изя справки навел – есть там, на что надавить, чем заинтересовать. Так! Кислятину с лица стер и ходу! Выполнять, если беды не хочешь! На этот раз ты влип! Это не шутки! Это драконы!

В машине Изза долго уговаривал меня отказаться от жалобы на... как его там... ведьмака Веденева. Причитал, что на его хозяина в последнее время сыплются все возможные виды «непрух». Я была непреклонна, лепрекон сдался, подвез меня к полицейской управе и даже дождался моего возвращения в машине у ворот. Видимо, переживал. Вряд ли за меня.

Дежурный полицмен беседовал со мной крайне неохотно. Тянул время, отходил, звонил кому-то на громоздком, жужжащем настенном телефоне у входа и, возвратившись,

заставлял повторять все сначала. Придирался к заявлению, три раза требовал переписать. Была б его воля, вытолкал бы меня взащей, полагаю. В конце концов, полицмен сдался и пообещал, что заверит жалобу у начальства.

К концу сего утомительного квеста у меня сложилось стойкое впечатление, что никто моим делом заниматься не собирается. Мне неоднократно намекали, что мой статус (многозначительное движение бровями) и положение моего обидчика (еще более многозначительное движение)... в общем, в управе на меня смотрели, как на городскую сумасшедшую. Учитывая мой вид, я не очень этому удивлялась.

Внутри зрело несказанное раздражение. Я попросила Изю высадить меня в начале Лисьего Переулка. Еще раз поблагодарив лепрекона за помощь, булькая, словно чайник, и прихрамывая, двинулась вдоль правой стороны улицы. Где-то тут, среди лавочек дворфов я видела... Ага!

Рванула на себя тугую дверь под вывеской «Книги и журналы. Свежая пресса»... и этой же дверью слегка получила под зад. Гаркнула:

– Здрасьте!

Над высоким прилавком (на табуреточке он там припнулся, что ли?) возвышался рыжеволосый дворф. Один из семи. Учитывая, что все дворфы в Лисьем переулке были рыжеволосыми и рыжебородыми, пользы в его опознании мне это не прибавило. Ну и ладно!

– Свежую газету! Сегодняшнюю! – рявкнула я. – Со спис-

ком телефонов и адресов городских служб на последней странице! И радиопрограммой на неделю!

На лице дворфа боролись два выражения: одно давешнее, презрительное, как тогда, в день моего приезда, другое – свеженькое, изумленно-испуганное. Гном явно меня узнал, даже под слоем пыли с крыши, в одной туфельке, всклокоченную и с яростным огнем в глазах. Уверена, это было нелегко, я сама не узнавала себя в отражении старинного зеркала на стене лавки.

– Ну! – грозно осведомилась я. – Заснули, милейший? Долго я ждать буду?

Испуганное выражение победило. Дворф потянулся рыжей волосатой лапицей к стопке газет справа и подал мне... «Вестник мага».

– Что?! – возмутилась я. – Маги? Да плевала я на магов?! Особенно на ведьмаков. Я что, по-вашему, похожа на... на ведьму? У вас есть пресса для нормальных людей?

Завороженно на меня глядячи, гном потянулся к стопке слева, тоненькой.

– «Вестник немага», – хмыкнула я. – Очень оригинально. Сколько?

– Тр... три медных солида, – дворф наконец обрел дар речи.

– Сколько?!!

– Нет-нет, – гном замотал головой, хватаясь руками за прилавок – испугался, что своим гневом я смету его с табу-

речочки? – Для вас бесплатно. В честь... приезда... новоселья.

– Новоселья?! Какого к драконам новоселья?! Я тут, – я быстро перевела все летние месяцы, проведенные у бабушки, в года... и «немного» преувеличила, – пять лет от звонка до звонка! Так что это мой дом! Я имею на него полное право! Так и передайте!

Я схватила газету и направилась к выходу. У двери обернулась и с достоинством произнесла:

– Деньги позже занесу.

Раздражение не оставляло меня и дома. Ныло тело, болела нога, на душе свербела обида. Но в ванне накатила апатия. Кому я нужна в этом городе? Я тут несколько дней, а меня уже пытались отговорить, выгнать, украсть и съесть (или что похуже). И все же за три оставшихся у меня месяца я прижму своего обидчика, если не к стенке, то к... я задумалась, вспоминая мускулистые грудь и зад Веденева... в общем, в покое не оставлю.

В «Вестнике немага» было крайне мало позитивных новостей. Складывалось ощущение, что с каждым днем жить немагам в Сильверграде становится все сложнее. Было трудно отличить типичное журналистское нагнетание от отображения реальной ситуации. Я прочитала статью про то, как нелегко людям без магии обслуживаться в ресторанах и кафе быстрого питания, ориентированных на магов: на днях один из посетителей не смог получить свой заказ, так как ему не

удалось поймать высоко летящий над столиками бургер. Ну это как-то... спорно. Зачем ходить есть в магические кафе? К бленд-магам бедолагу занесло? Они-то прекрасно левитируют, и себя, и вещи.

Ну а эта статья посерьезнее: в Темном Квартале пропало два немага. Ведутся розыски. С каждым днем надежда найти их живыми все слабее. Я зябко передернула плечами, хотя вода была горячей. Верю. Вот тут я верю! Или вот: неизвестные обокрали знаменитого немага-коллекционера. Украдены ценные артефакты. В том числе и те, что должны были защищать дом и коллекцию от взлома: знаменитый Капкан Уор-дворфа и Мистик-клетка. И чем они знамениты? Впервые слышу.

Выбравшись из ванны, я записала в блокнотик телефоны «Агентства юридической помощи немагам» и «Отдела жалоб на противоправные действия в отношении людей, лишенных магии». Лишенные магии. Звучит прямо как «с ограниченными возможностями». Впрочем, так оно и есть.

Посыльный принес оставленную в ресторане сумочку и записку от Сонечки и Лизочки. Сестры возмущались поведением «того самого Веденева» и призывали настаивать на астрономической компенсации. Я только посмеялась. Компенсировать моральный ущерб? Кому? Мне? Да этот Веденев – главный городской мажор, богатенький сыночек из старого ведьмачьего рода, потомок Первого Ведьмака, сестры сами упоминали об этом во второй части записки. Мне б

хотя бы извинений добиться. Наверняка подобные шалости ведьмакам каждый день с рук сходят, и город к ним привык. Такие шалуны и в моем мире имеются.

На душе было... неуютно. И я решительно занялась тем, что обычно меня умиротворяло – хлопотами по дому. Отдраила плиту и часть посуды, сходила на рынок, купила муки, изюма и сушеных абрикосов. Замочила начинку. Постаралась успокоиться, зная, что тесто не терпит плохого настроения. Под музыку из старого бабушкиного радиоприемника принялась лепить пирожки, пританцовывая и подпевая. И, разумеется, в силу привычки напекла целую гору, как на продажу в нашей булочной. Подумала, надела любимое батистовое платье с одуванчиками и отправилась в лавку «Книги и журналы. Свежая пресса».

Увидев меня, дворф вздрогнул и опасно закачался на своей табуреточке.

– Вот, – смущенно сказала я, ловя его за руку и с трудом выставляя на прилавок прикрытую салфеткой корзину с пирожками (заодно заглянув за прилавок – не табуретка, высокий барный стул!) – Это вам... всем. Вы были правы: новоселье, то-сё. Ах да, и три солида за газету.

Дворф кивнул и проводил меня настороженным взглядом до двери. Через окно лавки я украдкой подсмотрела, как он принюхивается, осторожно снимает салфетку, с полуприкрытыми глазами втягивает носом аромат и недоуменно чешет в рыжем затылке. Лишь бы не решил, что я хочу

его отравить. И всех остальных его шесть штук братьев, уж один-то он такую гору, думаю, не осилит. Хотя чего я волнуюсь? Дворфы – тоже маги, им так просто яд не подсунешь.

... – Как жаль, что я не знала вот об этом, – с ледяной светской вежливостью произнесла я, поднимая взгляд от записки мэра. – Впрочем, еще не поздно избавить господ высокочтимых Драконов от заблуждений в отношении безответственного поступка вашего сына.

Веденеев-старший в жесте немого отчаяния воздел руки к потолку. Веденеев-младший... дремал, вальяжно развалившись в кресле у окна. Еще и глаза перепонкой затянул, ну чисто ящер! Издевается. Понимаю. Стыдно, небось. Или нет. Привык, что отец за него отдувается.

– Вам это ничего не даст! – воскликнул ведьмак-отец. – Поймите меня правильно: мы старый уважаемый род! Вы же... ничего личного... человек новый, городу незнакомый. Нет-нет, я вас ни в чем не обвиняю, уверен, вы порядочная особа... и деловая! Такое у меня складывается о вас впечатление, да-с!

Долго складывается. Мы тут уже час беседуем, а меня пока только на эмоции разводят. *Еся не виноват! Простите Есю! Заберите заявление из Фонда Немагической помощи! И из приемной партии «Права Немагов». И из... куда вы там еще написали?*

Я обратилась за помощью к торговцу прессой и журна-

лами и разослала шесть «самолетиков» магической почтой. Удобно, что можно подавать документы, не шныряя по городу, достаточно приложить к официальному посланию палец с капелькой крови.

А мне сегодня пришел только один ответ. И лучше бы он касался этого глупого похищения.

– Мы – гарант безопасности Сильверграда, – с воодушевлением продолжил Веденеев. – Елисей оступился, да! С кем не бывает?! Однако город еще помнит: на его счету несколько десятков навьих тварей, убитых в Дозоре!

– А девиц? – холодно поинтересовалась я. – Похищенных в баре.

Еся Веденеев открыл один глаз и злобно им на меня посмотрел. Взгляд этот я выдержала с честью, хотя глаз был ярко-желтый и с вертикальным зрачком.

– Валим отсюда, пап, – лениво сказал Еся, – ты же видишь – она непробиваема.

Его отец злобно прорычал через плечо фразу на драконийском.

– Вы правы, вашему сыну явно надоело жить в Сильверграде. И вообще... жить, – согласилась я и уточнила, сделав эффектную паузу: – Я изучала драконийский на курсах ведения домашнего хозяйства.

– Зачем на курсах домохозяек преподают язык драконов? – старший Веденеев слегка сбился с темы.

– В жизни всякое случается, – уклончиво сообщила я. –

Скажите, а можно во всей этой схеме заменить, так сказать, слабое звено? Вместо вашего сына я бы с удовольствием сходила на сто свиданий вот с ним, – я ткнула пальцем в Изю, сидевшего у камина. Еся проснулся и изумленно воззрился на лепрекона. Тот втянул голову в плечи. – ЭТОТ молодой человек кажется мне более... надежным. В принципе, согласна на любую замену, – быстро проговорила я, опасаясь неприятностей для Иззы. – У вас, случайно, нет еще одного сына? Такого, кто посреди... хм... ухаживания за мной не устроит очередной ритуал с другой девушкой.

– Увы, нет, – с искренним сожалением развел руками Веденеев.

– Я шучу, чтобы вы поняли, насколько мне претит вся ваша затея. Но пора заканчивать с шутками, – я мило улыбнулась и выжидательно скрестила руки на груди.

– Три тысячи золотых шеленгов, – сказал ведьмак-отец уже другим тоном, спокойным и сосредоточенным, усаживаясь на стул с той стороны прилавка.

– Тысяча, – уточнила я. – Безантов. Не шеленгов.

Золотой безант намного дороже шеленга. Да, я хорошо разбираюсь в местной валюте, у нас она тоже в ходу. И курс обмена знаю.

– Тысяча. Хм... Почти столько же стоит ваша земля вместе с домом.

Справки навел. Не удивляюсь.

– Я в курсе.

Мы, как истинно деловые люди, прощупали козыри друг друга, поблефовали, поторговались и, наконец, перешли к самой сути.

– Ну что ж... – ведьмак-отец протянул мне руку. – Познакомимся заново. Роман Евстафьевич.

– Беяна Иннокентьевна.

Веденеев достал из папки отпечатанный на машинке документ.

– Сто дней общения, в идеале – каждодневного, что предполагает... в общем, нужно делать вид, что вы влюблены. И это должно выглядеть достоверно. Вы должны иногда бывать в свете. Все свидания за наш счет, разумеется.

Я внимательно прочитала договор. Все достаточно четко и просто. Мои обязанности и права расписаны попунктно. Однако...

– Могу я взять часть суммы не деньгами? – поинтересовалась я.

– Как это? – Веденеев удивился.

Я объяснила. Про самолетик, прилетевший утром из строительной конторы, куда я посылала запрос. Решила, что поборюсь хоть немного: заменю крыльцо и покрашу дом. А вдруг! Но строительная компания отказалась со мной работать, еще и намекнула, чтобы я не искала мастеров в других фирмах, мол, сезон, все заняты. Кто-то очень хочет купить мою землю.

– Найдем фирму. Оценим состояние дома, – ведьмак де-

ловито прошелся по лавке. – Составим смету. Мне не нужно, чтобы вы уезжали, Беяна Инокентьевна. Мне нужно, чтобы через три месяца вы официально, при свидетелях, отказали моему сыну по нашему договору, пункт сорок. Дескать, не сошлись характерами. Мы заинтересованы в том, чтобы вы выглядели... достойно. Хорошая девушка, завидная невеста, наследница процветающей лавки в быстро развивающемся торговом районе. Тогда понятно, почему ведьмаку отказали.

– Капризная невеста хвостом вильнула, – понимающе кивнула я.

– Ну... что-то в этом роде, – смущенно подтвердил Веденеев.

Я подписала договор, но внесла в него еще один пункт.

– Вот как? – хмыкнул Веденеев, прочитав дописанное.

– Только так, – сказала я.

– Что ж, даже одобряю. Теперь мы с Изей выйдем, а Еся перед вами извинится.

Мы с ведьмаком остались в лавке вдвоем. Еся встал, лениво потянулся, подошел. Оперся на прилавок и, глядя томенно и загадочно, достал из-за пазухи... мою вторую туфельку, потерянную во время полета над городом.

– Нашел. Сам. Сто железных сапог истер. Примеришь? Я помогу. Иди сюда, давай ножку. А то маленькая больно туфелька, как на ребенка. Твоя ли?

Вместо того, чтобы радостно схватить сокровище и завертеться по лавке, пританцовывая (от меня, видимо, ожида-

лось нечто похожее), я наклонилась и туфельку... понюхала. Сморщилась, раздумывая. Понюхала еще раз. Скривилась.

– Чего ты? – спросил ведьмак, не сумев скрыть растерянность. – Твоя ведь?

– Моя. Да вот, думаю, брать или нет. У родителей в пекарне живут печные дракончики, вечно в обувь гадят, если оставить без присмотра.

Елисей густо покраснел и рявкнул:

– Я не печной дракон! Я вообще не дракон! Ведьмаки могут принимать любую ипостась. Обратни работают с магией непластичной, а мы – пластичной!

В знак подтверждения ведьмак полыхнул огнем и сжег лежащий на прилавке свежий номер «Вестника немага». Дворф Лютый оставил его сегодня утром на моем крыльце.

– Лавка прессы прямо и направо, – ледяным тоном сообщила я, двумя пальцами поднимая с прилавка обугленный клочок.

Ведьмак выругался, ушел, вернулся, бросил на прилавок новую газету. Пошел к выходу.

– Извиниться, – напомнила я в спину Еси.

Снова вернулся, сказал, засунув руки в карманы потертых джинсов и покачиваясь на носках:

– Мне очень жаль, что я подверг тебя опасности. Я люблю девушек и никогда их не обижаю. Я был... не в себе.

Я громко фыркнула, закатив глаза.

– Это правда, – взгляд Елисея стал жестким. У меня по

спине почему-то пробежал рой мурашек с холодными лапками. – Меня кто-то зачаровал. Знаю, знаю, чары на ведьмаков не действуют. Но готов поклясться, это было колдовство. И я узнаю, кто это сделал. Прими мои искренние извинения.

– Странно, как ты еще меня не обвинил, – сказала я, качая головой. – Что это я... поспособствовала. Ну да, я немаг. А кого это волнует?

– Меня волнует, – удивленным тоном сказал Еся, взявшись за ручку двери. – Бред какой. С чего мне тебя обвинять? Ты меня спасла.

Он вышел, а я осталась стоять за прилавком. С газетой, на первой странице которой был огромный заголовок: «В Сильверграде ограблена известная семья магов. Подробности выясняются».

Глава 5

Марья не стала зажигать в гостиной свет. Зашла и опустилась на диван. Подогнула уставшие ноги, потянулась за пледом, замерла, глядя в окно на убывающую луну. С опаской провела рукой по обнаженной руке, освещенной лунным светом. Выдохнула. Кожа нежная, бархатная, и долго такой останется. Так было обещано. Но Марье обещали и другое... плохое. Таков Договор с Навью. И это терзает сердце недобрым ожиданием. Чем дальше несется время, тем беспокойнее на душе.

Ей пришлось много смеяться и флиртовать этим вечером: Морановы устроили большой прием в Гранд-Отеле. Марья как всегда блистала. Давным-давно приемы, танцы и вечеринки кружили голову и заставляли сердце биться чаще. Сейчас они приносили лишь усталость.

– Зеркало, кто прекрасней всех в этом городе? Все еще я? – устало проговорила Марья.

Марья замерла, ожидая ответ. В прошлый раз дух Зеркала назвал ей имя какой-то заурядной актрисульки из Синема-Холла. Юная нимфа, шестнадцать лет. Блистательный дебют. Роман со знаменитым режиссером, кольцо на пальчик. Но помолвка не сложилась.

Зеркало молчало. Марья со вздохом встала и подошла к стене. Насмешливо фыркнула.

– Все еще дуешься и переживаешь? Зря. Одной красавицей меньше, одной больше. Я ведь ее не убила, эту нимфочку, всего лишь чуть... подпортила ей жизнь. Покажи мне меня. Марью Моревну. Во всей красе покажи.

Дух показал ее изображение. В старинном наряде, маками – символом смерти магической – расшитом. С косой, трижды жемчужной нитью оплетенной. Чувственный рот, яркие глаза-сапфиры, белоснежные зубы, шея ослепительной красоты.

Сегодня на приеме не было отбоя от ухажеров. Все пухлячки. У кого бизнес и похоть – у кого просто похоть. Если бы только можно было найти того, кто достоин такой красоты! И такой Силы.

– Я прекрасна, – прошептала Мария, любуясь собой.

– Ты прекрасна, спору нет, – с натугой завело Зеркало.

Оно не могло противостоять своему предназначению. Хотело бы – не смогло. Стоило появиться в Сильверграде очередной красавице, и как бы ни старался дух держать за несуществующими зубами призрачный язык, рано или поздно срабатывала вложенная в артефакт «программа».

– Но живет на белом свете та, кто все ж тебя милей, – упавшим голосом договорил Дух.

– Кто она? – заныли зубы, забурлила злость в том месте, где раньше была душа.

– Белокожа, волоока, черноброва... ну такие, с рыжинкой темные бровки. И стройна, и ладна, и румяна. Тонка станом,

немного упряма. И зовут ее Беяна, – дух немного оживился: – Госпожа, вы заметили? У нас сегодня апофеоз белого! И прекрасный стих родился! Тоже немножко белый!

– Навий рифмоплёт! Не пытайся меня отвлечь! Заткнись и покажи ее!

Зеркало показало девицу, хлопчущую у плиты. Милая, хорошенькая, аккуратненькая. Явная провинциалка. Приехала в Сильверград замуж выйти. Коров в деревне пасти ох как неохота, в городе пристроиться всяко лучше. Платье... ретро какое-то. Марье бы не пошло, а этой идет. Стиль интересный, конечно, и, надо признать, подходит к образу. Небось продуман образ-то, до каждой мелочи. Коса красивая. Так и хочется выдрать.

– Эта? – Марья скептически рассматривала уже не слишком-то юную (по меркам нынешнего рынка невест и модельного бизнеса) шатенку. Двадцать? Двадцать один? – Красавица? Ты сломался? Скажи, горничная, навь безрукая, опять тебя роняла? Или полнолуние так действует?

– Госпожа, – напомнил Дух. – Вы же знаете... Василиса Прекрасная... Елена Премудрая...

– Помню-помню. Красота не во внешности – в том, что у девицы в сердце. Только вот мужчины дальше декольте обычно не заглядывают, – проговорила Марья, слегка успокаиваясь. Это какая-то ошибка, нет сомнений. – Вот не пойму я. У Василисы были слишком густые брови... и глаза, как у совы, а Елена каланчой уродилась. А навьпендривались

– темные маги после смерти Кощея три века отходят, силы восстанавливают. Хватит придуриваться, Дух, покажи мне настоящую красавицу!

– Не могу. На сегодня эта – единственная, – Зеркало вздохнуло. – Жалко девицу. Ладненькая какая. Работящая. Моет-намывает, рук не покладает. Песни напевает. Пирожки выпекает. С утра за ней наблюдаю. Может, пощадите? А что, если я и впрямь ошибся?! Магнитные бури! Магические возмущения! Подождем пару деньков. Глядишь, и рассосется ситуация!

Изображение девицы постепенно таяло.

– Верни! – рявкнула Марья.

Дождалась, когда девица проявилась, приблизила лицо к поверхности зеркала. Дохнула. Тьма облачком, будто паром в морозный день, коснулась костяного стекла – всосалась, словно и не было.

– Ушло по назначению Темное Дыханье. Обречена девица, – убитым голосом проговорил Дух.

И замолчал, больше не реагируя на шутки развеселившейся хозяйки.

... Утром Марья, в шелковом халате с волочащимся по дубовым полам кружевным подолом, зевая, подплыла к Зеркалу, готовая услышать законное: «Нет прекраснее тебя!»

– Ну что там? – игриво проговорила она. – Я сегодня ванильно настроена. «Красотою ты сияешь, солнце в небе за-

слоняешь». Да, Дух?

– Ты прекрасна, спору нет. Но Беляна всех милее... – монотонно, механическим голосом проговорило Зеркало.

– Что?! – завопила Марья.

– А-а-а-а! – заорал проснувшийся Дух. – Уф, чуть Кондратия не словил от страха! Кто ж так с утра пораньше?!

Давешняя девица была жива и здорова. Стояла за прилавком, мечтательно накручивая на пальчик золотистый локон.

– Живучая тварь! – прошипела Марья.

Придется ждать ночи, когда Темное Дыхание (одно из запретных умений, ради которых Марья когда-то заключила договор Навью) вступит в полную силу.

Она вчера просто устала. Вот и не сработало. Отложить до темноты. Выкинуть шатенку на время из головы – и в офис. Отвлечься.

– Кхе-кхе, – медовым голосом проговорило Зеркало ей вслед. – Хочу также донести до вашего сведения, что Елисей Веденеев жив и здоров. В газетке про него сегодняшней написано. Чудны дела твои, Правь Добрая!

– Как? – медленно проговорила Марья, возвращаясь к журнальному столику

Горничная выложила на него почтовые самолетки и свежие номера «Вестника мага», «Сильвер-Сити» и «Экономиста».

«Наследник Первого Ведьмака решается на неожиданный эксперимент! Брачный ритуал Драконов вернулся! Станем

ли мы свидетелями возрождения древней традиции?! Дракoнья Диаспора обещала покровительство Веденееву и его невесте! Кто избранница «Царевича Елисея»? Молодые дракoны идут по стопам ведьмака!» – газетная магия загадочно тараторила и запускала интригующее музыкальное сопровождение.

На магическом фото их было двое. Елисей и та самая девица, с ее навъей непонятной красотой. То, что Веденеев находился в дракoньей ипостаси, а лицо девушки было почти полностью закрыто волосами, Марью не смутило – это был он. И она. И это точно не было совпадением.

– Тук-тук, ты здесь? – Изза проскользнул в слабо освещенный зал для тренировок.

Завертел головой. Уф! Мороз по коже! Это ведь здесь ведьмаки на выживших тварях упражняются? Елисей Иззу сегодня не вызывал, зато папаша Веденеев беспокоился, как бы сын, после «сватовства», не пошел поправлять уязвленное самолюбие в трактире. Вот и пришлось няньке-лепрекону наводить справки. Язык довел его до полигона ведьмаков, а остальные части тела, такие, как глаза и уши, до тренировочного бункера. Роман Евстафьевич может быть спокоен. Елисей не ваньку валяет, а делом занят.

– Здесь, – Еся вышел в освещенный круг. Голый до пояса, с двумя серебряными мечами в руках. – Тебя батюшка присламши?

– Ага. Еся, ты что, правда решил в Дозор вернуться?

– Слухи ходят, – уклончиво сообщил Елисей. – Старшина шестой дюжины разрешил мне сегодня потренироваться, проверить, не ослабла ли рука у ведьмака, – Еся усмехнулся с горечью в глазах. – Так что ты, Изя, уйди вон туда, за серебряное стекло. Кстати, здорово, что пришел – будешь мне помогать. Клетку откроешь, когда крикну. Там кнопка. Красная.

В безопасной комнате было огромное окно почти во всю стену, толстое, с частичками серебра, которое лепрекон отлично ощущал своей магической сутью.

– Давай! – крикнул Елисей, поднимая мечи.

Изя с содроганием нажал на кнопку. Одно утешало: вряд ли старшина мог без страховки отправить давно не выходящего в Дозор ведьмака в бункер с действительно опасными тварями. Однако то, что выскочило из автоматически открывшегося серебряного контейнера, заставило лепрекона заорать от ужаса и отшатнуться от окна. Изя видел навьих на улицах Сильверграда, как и все жители, которым хоть раз выпадало несчастье оказаться недалеко от Пробоя. Но такую монстру лепрекон наблюдал впервые.

Тварь была длинна и шипаста. И, кажется, безглаза. Это не помешало ей сразу же броситься на Елисея, не дав ему ни секунды форы.

Стекло не пропускало звуков, но Изя случайно зацепил какие-то рычажки на панели, и безопасная комната напол-

нилась воем и скрежетом. То, что делал Еся, превращало бой в завораживающий танец. Изе казалось, что ведьмак играет с тварью, приглашает ее потанцевать, если она согласна быть ведомой. А потом ему, видимо, надоело. И тогда пляски превратились в один сплошной смазанный вихрь. Изя не успевал следить за боем, поскуливал от страха и молился, чтобы навья не ранила Елисея.

Все закончилось, как и началось, в одно мгновение. Останки нежити еще шевелились: трепыхался белый костяной хвост, пульсировала черная жижа, вытекающая из дыры в панцире. Изя вышел из безопасной комнаты и осторожно приблизился к тяжело дышащему Елисею. По мускулистой спине ведьмака струился пот, в глазах тухли отсветы какой-то слабой вспомогательной трансформации. Изя покопался в памяти и вспомнил: полные ипостаси не помогают ведьмакам во время боя, а мешают, притупляя их особый Дар – невосприимчивость к навье магии.

Вопреки ожиданиям лепреккона, Елисей не выглядел довольным: смотрел мрачно, исподлобья. Даже ругнулся, помянув нечистую силу.

– Чего ты? – спросил Изя, осторожно касаясь ногой хвоста затихшей, наконец, твари. – Убил же.

– Убил, – повторил за ним Еся. И покачал головой. – За сколько я его упокоил?

– Восемь минут.

– Один-единственный шипец, а я восемь минут возился.

– Так он вон какой жуткий!

– Это тебе он жуткий, с «храбрых» глаз. Шипец среди вы-ползней – самый безобидный. Падальщик, просто террито-рию чтит, вот и нападает. Умный, правда. Строит себе пан-цирь – собирает кости падали и на себе носит, пока не врас-тут. У этого, видишь, пара человеческих – кому-то не по-везло, но, может, и не он убил. В бою долго пугает, подход ищет. Обычному человеку с ним сложно – шипец выпускает *миазм*, и свойство у него – вводить в оцепенение. Полторы минуты, – неохотно сказал Еся, помолчав, – мой прежний результат. Тогда я помнил, куда бить. А сейчас забыл. Пред-ставь, если бы я оказался на улице во время Пробоя, и таких пусечек хвостатых было бы штук пять. Мне место не в До-зоре, а на печи с балалайкой.

Еся сам спихнул тварь в утилизатор, взялся за шланг и отмыл тренировочную от крови. Они с Изей отправились к нему на квартиру, прихватив в Восточном Квартале, в забе-галовке «У Спайси Панды», коробки с острым рисовым су-пом.

– Ого! – удивился Изза, увидев на столике у ведьмака два внушительного вида волюма. Лепрекон раскрыл верхнюю книгу и удивился еще больше: – «Забытые магические риту-алы и процедуры, опасные, утерянные, устаревшие». Тут и экслибрис имеется. Собственность Библиотеки Кадрона? Ты побывал в Туманном Квартале. У грифонов, нагов и прочих хранителей знаний?

– Угу, – Еся забрал у лепрекона книги и аккуратно переложил их на другой стол. – Садись есть.

– Зачем?

– Зачем есть? Очень глубокий, философский вопрос. Но я не готов сейчас на него ответить.

– Зачем тебе книги? Я с тобой уже два года и видел тебя с книгой... – Изя сделал вид, что вспоминает, – никогда.

– Острая необходимость, – буркнул Елисей, разламывая лепешку.

– Ты в последнее время странный! Я думал, ты начнешь как-то сопротивляться, опять пойдешь на конфликт, а ты... неужто и впрямь с Беляной встречаться будете?

– А что мне делать, Еся? – прочавкал ведьмак, орудуя палочками. – Ну я не настолько же дурак! Похожу три месяца под ручку с этой Дариной.

– Беляной.

– Да плевать! От меня не убудет. Всяко лучше, чем с драконами разбираться, кто виноват и как.

– Ты все еще думаешь, тебя зачаровали? – задумчиво спросил Изя, макая кусочек лепешки в суп. – Но ведьмаки...

– Угу, к чарам невосприимчивы. Вот только ко всем ли? Твоей радуге лепреконской, будь она неладна, я иногда поддаюсь, помнишь? Изя, ты ведь изучал историю магии. Что знаешь о ведьмах с ипостасью Черного Лебедя?

Изя задумался:

– Есть такая побасенка. Раз в триста лет дочь колдуна, за-

служившего расположение Тьмы, может призвать Навь и получить ипостась черной птицы. Были вроде прецеденты. Но очень давно. Мощная и... гадкая штука. Да ну! Нет! Это анахронизм какой-то! Сейчас, если хочешь темной магией побаловаться, проще заpastись подходящими артефактами, типа Мистик-клетки или Колодца Затмения. Или джинна найти, три желания загадать. Помимо расхода энергии и издержек, вроде потери собственного «я» и подчинения темным силам, в этом ритуале с лебедем слишком много условий: души невинно убиенные, Нави переданные, и прочая ересь. Кто в наше время такой фигней заниматься будет?

Еся ел. Очень сосредоточенно. Лепрекон отложил в сторону палочки и оглянулся на стол с книгами:

– Или будет?

Елисей помедлил, но кивнул:

– Это не просто мои... теории. Ты помнишь Клару?

Изя смутился. Клару он не помнил, он пришел на службу к Веденеевым, когда Еся уже пил, дебоширил и пропускал Дозоры – говорили, что из-за расставания с девушкой. Еще говорили, что младший ведьмак и раньше норовом отличался неукротимым. А тут уж вообще распоясался.

– Клара была моей невестой, – Еся заговорил, отстраненно глядя перед собой. – Познакомились во время Дозора, на нее слизняк выскочил, а тут мы. Отец против был... категорично. Она ведь из провинции в город приехала, в богатом доме прислугой работала. Училась, стипендию от города

получала как одаренная. Мы начали встречаться. Ей стыдно было, что она такая... небогатая. Она у хозяйки платье взяла, ко мне на свидание в нем пришла. Хозяйка его не носила, но узнала как-то о пропаже. Клара говорила, у госпожи артефакт какой-то имелся, подглядывающий, вроде зеркала, что ли. Ну, в общем, разъярилась она, Марья. Прокляла Клару и выгнала. Вот тогда-то Клара тень ее увидела... лебединую. Она тоже магию изучала, углубленно, знала, что это за хрень. Испугалась, болеть стала. Я ее к ведунам в Глушь Лесную в Тридевятом отвез, подальше от глаз Марьиных. Ведун, что с Клары проклятье снял, молодой был. Вот они и полюбили друг друга. Оказалось, у нас это несерьезно было... а там серьезно. Я понимаю. Я и тогда понимал. Хотел всем о том, кто такая дочь Морова, рассказать, но Клара не дала. И сама молчала, за душу свою боялась, да и как доказать? Мало ли что девице вороватой привиделось. Ведун даже не смог источник проклятья определить, нам на слово поверил, лишь нити связи оборвал. Я за Марьей присматривал, но после того она ни разу не проявилась. Жениха вот себе искать не стала. Обо мне и Кларе она не знала, похоже. И про то, что тень ее увидели – тоже.

– Но если артефакт...

– Если это то устройство, о котором я думаю – их сейчас Морановы в разработку запустили, «Живые Зеркала» – и мне странным кажется, почему Клара одним проклятьем отделалась. Я ей намекнул, Марье, она удивилась и испугалась.

– И решила отомстить? – Изе стало совсем беспокойно, даже аппетит пропал, что с ним бывало редко.

– Расскажи мне о том вечере в клубе, после твоего выступления, – попросил Елисей.

– Так я уже...

– В Навь тебя! Жалко, что ли?! Я ж не все помню! – Еся превратился в прежнего Есю, и лепрекон вздохнул с облегчением:

– Ну... ты сидел...

– Так.

– Выпил.

– Это помню. Немного.

– И сказал: «Хочу вон ту. Изя, смотайся, договорись. Мне нужно сейчас, с доставкой в постель».

Наступила пауза. Еся шмыгнул носом и осторожно уточнил:

– Это я о Беляне?

– А ты не помнишь? – ласково поинтересовался Изя.

– Помню, – признался ведьмак. – Ну... попутал, с кем не бывает? Она такая... неважно.

– Вот-вот, явно попутал, – с укоризной продолжил лепрекон. – Не твоего поля ягодка. Я и спросил тебя, не лучше ли пойти в Дивный Квартал и потусоваться с девочками попроще. Ты настаивал. Я отговаривал. И тут...

– Что? – ведьмак напрягся и подался вперед.

– Ты встал, двинулся... куда-то, потом начал обращаться,

ПОТОМ...

– В какую сторону я двинулся?

– К бару.

– Я что-то говорил?

– Сказал, да... – Изя потер лоб, – что эти твари совсем обнаглели и пора их приструнить. Только ты все это неприлично сказал. Громко. Но ни к кому конкретному не обращаясь.

– Это меня и спасло, что не... конкретно. И еще кое-что, – Веденеев с громким вздохом откинулся на спинку стула. – Помнишь, кто там сидел? За ширмой.

– Оборотни? Белые медведи? Вы, бурые, вечно с ними грызетесь.

– Не просто белые – отморозки из клана Вельма Седого. И сам глава банды. Я их узнал, но решил остаться, твой номер посмотреть. Они вроде благодушно настроены были, отмечали именины Вельма, он, оказывается, равнодушен к комическим номерам, – Еся скрипнул зубами. – Навь левая! Я ведь не помню, как шел к ним. Помню только злобу, красный туман в голове... и шепот как бы: *пойди, накажи их! ... ты же ведьмак, силища!.. доколе такая шваль мостовые Сильверграда топтать будет?* Никогда бы в здравом уме я к белым мишкам, что числом больше одного, не сунулся. Представляешь, что было бы, если бы я Вельма оскорбил?

– Страшно подумать, – Изя передернулся и припал к бутылке с водой.

Думать о возможном исходе такой ситуации было не про-

сто страшно – жутко. О Вельме Седом и деяниях его банды в Темном Квартале ходили разные слухи, но от самого невинного из них леденела кровь. В городе говорили, что у белых имелся какой-то сильный покровитель из высших магов. Они единственные во всем Сильверграде не боялись ведьмаков и не разделяли уважительного и боязливого к ним отношения. Не шли на прямой конфликт, и на том спасибо. Любой повод – и хрупкому перемирию пришел бы конец. И Елисей чуть повод этот не дал.

– И все-таки меня потом в Темный занесло, – задумчиво проговорил ведьмак. – Подсознательно, факт.

– Я не знал про чары, не предполагал даже, – пробормотал лепреккон. – Видел, как тебя корежило, как ты зигзаги выводил, но решил, перепил ты.

– Я ведь к ним шел уже... и не дошел. Услышал – поет. Ничего не видел, только ее в красном тумане, Беляну. Увидел... и ухватился, словно за спасательный круг. И выплыл. Нашел дорогу в этом мареве красном. Так что я выдержу. Сто свиданий? Пфе! Уже, считай, девяносто девять. Первым засчитаем... хм... встречу в клубе.

– Выдержишь, разумеется. Девяносто девять свиданий и работа по дому. Пфе! – рассеянно поддакнул Изя. Посмотрел на удивленного ведьмака, уточнил: – Ты не знал? Роман Евстафьевич при тебе одобрил. Белль в договор вписала, что моральный урон ты отработать должен веником, лопатой, шваброй, ухватом и прихваткой, работой по дому, вы-

ражаясь проще. Есь, что такое прихватка?

– Я?! – Елисей подавился супом, закашлялся, сипло пропищал, стуча по груди кулаком. – Веденеев?! Потомственный ведьмак!!! Охотник на нежить!!! У плиты стоять?!

Глава 6

– Отец целую толпу рабочих подогнал, а тебе мало? – шипел ведьмак.

– Так то твой отец, – веско заметила я. – Не он же меня тогда до Темного Квартала по воздуху подбросил, хотя я не просила.

– Откуда ты такая взялась?

– Из Мира Четырех Империй. Из Кривовцов.

– А-а-а, – понимающе протянул Веденеев, – это такая дыра, где крайне редок магический дар.

– Да, – призналась я. – Наша земля была когда-то проклята феями, и одаренные дети на ней рождаются редко. Впрочем, моя сестра – маг.

– А тебя, значит, даром обделили?

– У меня много компенсирующих талантов, – я мило улыбнулась, хлопнула ладошками, и в воздух взвилось облачко муки. Елисей закашлялся.

– Например, острый язычок?

– Именно.

– И как твоя язвительность помогает тебе в мире магов?

– А очень просто. Вы, маги, почему-то не привыкли, когда вас хорошо, со вкусом, ставят на место. Сразу тушуетесь, а я этим пользуюсь. Вам привычнее заклинаниями пулять, да? Девушек похищать. А по-человечески поговорить не пробо-

вали?

– Ой, ради Прави! – Еся закатил глаза. – Я же объяснял. И кстати, если бы ты была магом, ты могла бы отбиться от меня волшебством.

– Да что ты говоришь? От ведьмака? Вас даже оборотни не жрут, брезгают, наверное. И *кстати*, – я с силой шлепнула комом теста о стол. – Смотри шире, с другой точки зрения: если бы у меня был магический дар, в моей лавке не работал бы сейчас ведьмак. Задарма причем! Так, все! Эдак мы до ночи о пустяках проболтаем. Инвентарь получил? В подвале все гнилое, крысами порченное, нужно в мешок сложить – и на помойку. Тачка есть. В саду.

Елисей дернул скулой.

– Твой труд в нашем договоре прописан, – напомнила я. – С одобрения твоего отца. Нет труда – нет договора. Хоть сейчас звоню заинтересованным лицам, продаю дом и уезжаю. Журналисты, что забор перед лавкой облепили, обязательно полюбопытствуют, с чего бы это. Так я им все и расскажу.

– Ладно! – рявкнул ведьмак. Кивнул на миску с начинкой. – Здесь кормить хоть будут?

– А об этом в договоре сказано не было, – я выдала парню повседневную, но довольно обаятельную улыбку. – Проснись, ты в Торговом Квартале. Тут на каждом углу забегаюлки с едой, прокормишься как-нибудь. Деньги-то есть? Батюшка на карман выделил?

Грозно порыкивая и отрастив небольшие рожки (ха! ис-

пугал шипохвоста...хм... голой спиной – с моей сестрицей я и не такое видала), ведьмак взял рукавицы, мешок и отправился в подвал.

Насчет продажи дома я приврала – теперь ничто не заставит меня от него отказаться. Звуки ремонта радовали уши. Рабочие начали с крыши. По счастью, черепица сыпаться начала не так давно, и гнилая плесень не успела поразить чердак.

Тесто удалось на славу. В этом рецепте очень важна сила повара: мука переслаивается с маслом, и с каждым разом месить все сложнее. Но руки у меня только кажутся обычными, девичьими – крепости в них много, с шести лет в пекарне помогаю.

К моему удивлению, ведьмак работал споро, сноровисто. Я следила за ним через окно. К тому моменту, как воздушные слойки с сыром украсили три огромных блюда, он откатил на помойку пять тачек с мусором. Я отнесла пироги рабочим, крепким каменным троллям, оставив несколько слоек на блюде. Вернулась – недосчиталась одной, самой большой.

Елисей нашелся в саду, где дул на еще горячую добычу, высматривая место поудобнее. Углядел валун, направился к нему, покусывая слойку по остывшему краю.

– Не садись на пенек! Не ешь пирожок! – гаркнула я у него над ухом.

Ведьмак подпрыгнул, упустил пирог, но ловко подхватил

его у земли. Ого, реакция!

– Тьфу! – взревел он. – Тебе жалко, что ли?

– Конечно. Солнце еще высоко, а ты, спины толком не поклонив, пузо набиваешь да к тому же чужую снедь таскаешь. Верни пирог.

С видом «врешь, не отнимешь!» Еся вцепился в слойку зубами, откусил почти половину и издевательски громко зачавкал, блаженно прикрыв глаза:

– Ум-м-м... вкусно. Вкусно! – ведьмак с удивлением посмотрел на пирог в руке. – Действительно вкусно!

– Вот и запомни: магия разной бывает. Моя, – я показала на слойку, – вот такая. Ты вывеску над входом видел? «Старая лавка немагических чудес».

– Учту, – прочавкал Еся. – Как ты ко мне подобралась? Я тебя аурой не услышал. Ты часом нечисти не родственница?

– Все мы, девушки, чертовкам родичи, – сказала я, ни капли не обидевшись. – Так моя бабушка говорила.

– Эй! – крикнул мне вслед ведьмак. – А отчего она умерла? Может, не в свое дело лезу, тогда прости. Я что-то задумался и... У тебя на лестнице фотокарточка висит, ты там с бабушкой? Она ведь не старая была. В Сильверграде маги долго живут, тут магический фон высокий.

– Нет, она не была старой. Она погибла в аварии, на своем автомобиле, – сказала я через плечо. Да, это не твое дело, но отчего же не сказать? – Почему-то съехала в реку с серебряного моста в Туманном Квартале. Тело так и не нашли –

течением унесло.

– В том квартале в тумане часто люди гибнут, – негромко проговорил за спиной Елисей. – А ты в детстве смешная была. А сейчас – бука.

– Договорись – больше еды не дам, – пообещала я.

Я, признаться, и на него пирожков напекла. А что? Пусть харчится, не выходя из дому. А то как пить дать «потеряется» по дороге назад. Объем ежедневных работ мы в договоре не согласовали, промашка вышла. И точно: после обеда Еся прилег в саду на валуне и нагло задрях.

Я услышала шум и вышла в лавку. Там робко оглядывался по сторонам... дворф. Не Лютый. Кто-то другой из семерки братьев. Лютого я запомнила, он который день приносил мне свежую газету, я угощала его выпечкой, и мы перебрасывались парой фраз о погоде и ценах на муку.

– День добрый, хозяйка, – дворф слегка поклонился. – Добро пожаловать в Торговый Квартал. Торгуете?

Пришлось объяснить, что в лавке ремонт и разрешение на торговлю я пока не получила.

– Что ж делать мне? – расстроился гость. – Я-то губу раскатал, что у вас скуплюсь. Лютик пирогами угощал, мне б таких.

– Увы, – я развела руками. – У меня вообще-то лавка чая. А что же? Разве пекарен в Торговом нет?

– Так они как вашу выпечку попробовали, другую наотрез, – дворф ткнул в окно.

Мимо окон что-то носилось. Маленькое, рыжее и... многочисленное.

– Чем кормить их теперь? Говорят, ваши пироги, как мамкины. Мамка их сейчас в госпитале, седьмого ждем. Что-то рано она в этот раз, не ожидала, что прихватит, не подготавлилась. Я на хозяйстве который день. Суп ели, – начал перечислять дворф, – жаркое ели, суп ели. Опять жаркое не хотят, а другого я не умею.

Дворфята ворвались в лавку и рассыпались по углам, как горох.

– Так! – гаркнул их отец. – В круг со-би-райсь!

Малыши сбились в кучку в середине лавки. Ненадолго. Круг стал быстро расплзаться. Вскоре один дворфенок висел вниз головой на лестнице, другой сидел под столом, третий тянулся к модели чайного клипера на подставке, а еще трое самых маленьких уже сунули головы в дверь в подвал. Милашки какие! Кругленькие, маленькие, личики только уж больно шаловливые.

– Не слушаются, – пожаловался дворф, стягивая остроконечную шапочку. – Меня Клятый зовут, можно просто Клят. Вы не обессудьте, приняли вас недобро. Не знали, что это вы Ярилы Снеговой внучка. Она про вас говорила. Вас на похоронах не было. Мы думали, муниципалитет дом все-таки продал, вопреки завещанию.

– Нам поздно сообщили о бабушкиной смерти, – объяснила я. – А потом разрешение не дали на въезд, это после

белой сыпи было, после карантина.

– Да, помню, – Клят крикнул. – Пойдем мы. В госпиталь, к мамке, вещи ей отнесем. Пришлось всех шестерых с собой взять. Как мне теперь управиться с такой ватагой? Боюсь, в автобус не пустят.

– А вы оставьте их у меня, – предложила я. – А я вам пирогов напеку.

– Так они у вас тут все разнесут, – засомневался Клят.

– Тут пока портить нечего, – рассмеялась я. – Но лучше пусть в саду поиграют.

... – А чей у вас там дядя в саде спит? – спросил меня дворфенок в зеленой шапочке, самый маленький из мини-десанта.

Две пары близнецов. И два малыша без пары, но вполне себе сработавшиеся – первыми принялись посыпать спящего Есю землицей и червяками из компостной кучи, пока другие осторожно присматривались, кружили по саду и сужали круг.

В саду было вполне безопасно: колодец закрыт каменной плитой, змей нет, у соседей – высокий забор, качели на липе разве что старые, могут оборвать. Оборвали, повиснув вшестером.

– Это дядя – кого надо дядя, – важно сказала я. – Потомственный ведьмак, наследник этого... Первого Ведьмака, охотник на нежить. Кучу навьих переловил... говорят.

Елисей был бы доволен.

– Да ладно! – восхищенно выдохнули двое младших, округлив ротыки.

– Клянусь Правью. Вы его не трогайте, – благодушно попросила я, – пусть поспит.

Дворфики послушно закивали. Слишком уж послушно. Что ж, я сделала, что могла.

Сама бдительно поглядывала в окошко. В саду все было хорошо. Малыши устроили генеральное совещание у забора, Еся спал. Вот уж не верилось, что ведьмак не притворяется. Он же охотник. Затаился, должно быть.

Тесто в этот раз я замесила попроще, а сама побежала наверх – принять душ после нескольких часов у раскаленной печи.

Позже выяснилось, что Еся действительно спал, крепко, как младенец. И его разбудили, засунув в нос дождевого червяка. Проверяли, может ли ведьмак одолеть нежить изнутри. Юные естествоиспытатели с некоторой натяжкой сочли червяка равноценным навьям. Елисею повезло, что в саду не нашлось ничего посерьезнее,

Я как раз собиралась надеть платье, когда от громкого рева покачнулся дом. Одновременно с воплем мою глупую голову пронзило страшное предположение. А если Веденеев от испуга трансформировался? На него уже один раз «накаатило»! Лунатиков вообще будить опасно! Вспомнилась сожженная драконьим пламенем газета на прилавке.

Платье не налезало на влажную кожу. И пуговики! Будьте вы прокляты, крючки и пуговики! Как же страшно! И в окно не посмотришь – не та сторона. Я выпросталась из горловины, замоталась в широкое полотенце и понеслась вниз босиком. Дверь в развороченной рабочими прихожей у выхода в сад заклинило, я уперлась босой ступней в косяк и с треском выломала щеколду, чуть не потеряв полотенце. Сквозь дырку от вынутых досок в потолке на меня замороженно глядели привлеченные шумом тролли.

Выскочила в сад и замерла, удивленная невероятной картиной. Над лужайкой медленно поднимался в воздух Елисей, наполовину трансформированный, с двумя огромными кожистыми крылами и ушами, как у белки-мутанта. На каждом плече у него, держась за уши и костяные выступы, сидело по паре визжащих от восторга дворфят. Еще двое прыгало внизу, подвывая от зависти. Еся немного повисел в метре от земли, начал осторожно опускаться ... и увидел меня, растрепанную и в полотенце. Закачался и рухнул в траву, лицом вниз. Я дернулась было бежать-спасать (не Есю, конечно, а малышей), но дворфики уже вшестером радостно прыгали по ведьмаку, еще больше втоптывая его в землю.

Помочь человеку? Но Елисей поднял лицо от земли и, задумчиво отплеывая травку и одуванчики, осмысленно и... оценивающе осмотрел меня с ног до головы. Полотенце тут же показалось не таким уж широким. Я быстро отступила в прихожую. Эх, что-то ты зарделась, как маков цвет, крас-

на девица. А ведь раньше особой смутительностью не отличалась. Омела за такие поглядки раз по шапке получил. Еще девяносто с лишком дней впереди. Ну ничего, подкатит ведьмак аль руки распустит – и скалка в дело пойдет.

– Тетя! – ко мне бежал дворфенок, предпоследний по младшинству. – Вот!

В глазах малыша стояли слезы, на ладошках лежала мертвая птица.

– Розоклюв, – ахнула я. – Наш садовый розоклюв!

Птица с заметным оранжевым перышком в хвосте пропела в бабушкином саду лет двадцать. Я даже в школе на уроке биологии о ней рассказывала, но учительница не поверила, сказала, что этот вид так долго не живет. И вот, пожалуйста, – птица лежит на ладонях у расстроенного мальчонки, мертвая и заметно пожеванная. Не иначе как соседским котом.

– Не расстраивайся, – я погладила дворфенка по голове. – Розоклюв прожил долгую и счастливую жизнь. У дяди Еси есть лопата. Почему бы вам не похоронить птичку. Ей будет приятно.

– Она мертвая, – подойдя к брату, скептически возразил дворфенок из старших близнецов.

– Моя бабушка говорила, что со смертью заканчивается тело, но не память. И душа на земле на некоторое время задерживается, попрощаться. Дух розоклюва пока еще где-то здесь.

Малыши принялись испуганно озираться по сторонам, словно боясь и одновременно надеясь увидеть призрак птицы. Я не стала рассказывать мальчикам о том, что, вероятнее всего, розоклюв пал жертвой кота их дяди, живущего по правую руку от лавки. Здоровенная черная животина постоянно паслась в моем саду, охотясь на мелкую живность вроде ящериц. Есть не ела, но придушивала и игралась.

Спустя час, когда наевшихся и уставших от игр дворфят забрал их донельзя благодарный папа, ведьмак зашел на кухню. Опустился на стул, с благодарным кивком принял тарелку супа и пирожок с печенкой. Проговорил задумчиво, жуя:

– Странно, столько силы на трансформацию потратил, а аура почти полная. И спал хорошо, крепко, хм. Что это было, вообще? Решила детский сад открыть?

– Нужно же как-то выживать. У меня пока нет разрешения на торговлю, смею напомнить.

– Отец обещал – значит, будет. Но я, вообще-то, в няньки не нанимался.

– Да не дай Правь! Ты чуть детей не покалечил!

– Одним больше, одним меньше, никто бы и не заметил...

Да шучу я! Они сами кого хошь покалечат. Ну, каюсь: трансформация была новая, еще не опробованная. Горный нетопырь... с вариациями. Да под контролем все было! Сама видела.

Я фыркнула, чувствуя, как опять краснею, отвернувшись к плите и неожиданно для самой себя спросила:

– А чем отличается непластичная магия от пластичной? Почему вам, ведьмакам, все ипостаси доступны? Расскажешь?

Еся кивнул.

– Есть Явь, Навь и Правь. Это-то ты знаешь?

– В школе проходили, – уклончиво сказала я.

Еще кое-что я «проходила» в учебнике Розочки сама, пока сестра не видела. Но в книгах Розы меня больше интересовали разные необычные расы. В лавку бабушки приходили самые невероятные существа, люди и нелюди. Они меня завораживали. Вот, например, метаморфы. Кем хотят, тем и оборачиваются, на время, правда. Их ограничивают только резерв ауры и величина копируемого объекта. Или взять мелюзин и некке, исчезающие водные создания, обитающие в Водном Квартале у Залива, подобии национального парка для вымирающих видов. Они строят подводные города необыкновенной красоты, преобразуя водную магию.

Я внезапно задумалась: неужели все эти существа приходили в лавку за чаем? Пьют ли чай некке, которые на суше больше пары часов провести-то не могут? Какой купаж предпочитают мантикоры, мятный или липовый?

– В школе, – снисходительно усмехнулся ведьмак. – Небось до сих пор считаешь, что Навь – это загробный мир.

– Да, – с сомнением подтвердила я. – А что, нет?

– Загробный мир – Небесные Чертоги. Навь – это мертвый мир, – учительским тоном заговорил Елисей. – Туда ухо-

дит все, что должно быть убрано с лица земли: отработанное, отброшенное, искаженное, злые создания, опасные мутации. Там тоже есть жизнь... специфическая. И черные маги туда отправляются, говорят, после смерти или еще при жизни, потому как Мать-Земля их долго не носит. Время от времени что-нибудь из Нави прорывается к нам. Пожрать, силой напитаться, к себе утащить. Ну вот тогда мы, ведьмаки, в Дозор и выходим.

Я дернула бровью: ну-ну. Вы, ведьмаки. Кое-кого из Дозора выгнали, Изя проговорился. Заметив мою гримаску, Еся слегка смутился, отпил чаю и продолжил:

– Правь – место более спокойное, обиталище душ, которые еще не родились. Там тоже обычному человеку не место, да и своих демонов в Правии достаточно. Там рождается магия, оттуда она к нам, в Явь, спускается. Ходят туда шаманы, ведуны разные. Некоторые из них, самые сильные, в старые времена в Правии выслеживали дух животного, еще не рожденного, братались с ним, предлагали свое тело и приобретали в обмен силы звериные. Их потомки – оборотни. Вторую ипостась в Яви не удержишь, сил не хватит, потому хранятся души звериные в Правии, воплощаются в людях, когда оборотню потребуется. Это и есть непластичная магия.

– То есть оборотни...

– Одной ногой в Правии стоят. В этом их сила и слабость. Вторая ипостась волю подчиняет, силу пьет, голову дурманит. Многие из оборотней... – Елисей нахмурился, – себя

забывают. Снаружи человек вроде – внутри дух зверя, который этой оболочкой управляет.

– А ведьмаки?

– Мы не оборотни и не метаморфы. Нам Явь подчиняется. Создает то, что мы хотим, иллюзорное вроде, но как бы и реальное, пластичное... – ведьмак трансформировал руку, держащую (пятый!) пирожок в когтистую лапу. Я невольно подалась назад. – Не знаю, за какие заслуги нам этот талант дарован, думаю, для защиты от навьих. Ограничены мы воображением и опытом – то, чего не видели, повторить не можем. По силе нам равны лишь драконы, мантикоры, грифоны, наги и еще несколько рас. Их ипостаси не из Прави. Им они Древними подарены, за заслуги.

– А медведь? Разве это не ваша ипостась?

– Это наш родич. У каждой семьи ведьмаков он свой. Нас, Веденеевых, Михаил Потапович когда-то по лесам сопровождал. Мы на нем верхом на навьих охотились. Там духом и соединились. А вообще, не знаю, – Еся широко зевнул. – Ну, и где мне спать ложиться? Наверху? Ты где спишь, слева или справа?

– Что? В смысле?! – возмутилась я, очнувшись от грез. Голос ведьмака звучал так расслабляюще, уносил в дальние миры...

– Я про комнату говорил. А ты что подумала? – Еся нагло ухмылялся.

– Дома тебе спать ложиться, сокол ясный, – напевно про-

изнесла я, подражая деревенскому говорку, – Хочь слева, хочь – справа.

– Злая ты. Мне через весь город мотылять. А время позднее.

– Ничего, с ветерком покатаешься. Слышала я, как твои дружки ночами по городу гоняют – мосты серебряные качаются. Монстру свою автомобильную больше у ворот не ставь. Там журналисты.

– Точно! Поцарапают еще!

– Я за твою зверюгу не беспокоюсь. Мне репортеров жаль, – объяснила я. – Дышат выхлопами, брехуны неразумные, понапрасну здоровычко нежное губят.

– Ты их только кормить не вздумай. Угадал? Ага! По глазам вижу – собиралась.

– Ну и что? – я вызывающе пожала плечами. – Они тут только время теряют. Ничего им здесь интересного не перепадет. Пусть хоть поедят.

– А вот и ошибаешься, перепадет, – Еся встал и кинул на прощанье: – Думаешь, мы с тобой все сто дней в доме прибираться станем, пыль глотать, калории поглощать углеводные? Завтра в ночной клуб идем. Ты уж постарайся, красавишна, приоденься в шелка заморские, в стыд меня не вгоняй.

– Зачем? Куда? Какой еще клуб?! А подвал разгрести?! Какие клубы еще! У меня работы невпроворот! Эй! Ушел?!

Ушел. А рабочие еще раньше уехали, с темнотой. Я вы-

шла во двор, села на любимый камень, еще хранящий тепло солнца. Думала, сменю монотонную жизнь в родительской пекарне на еще более скучную, в шумном городе, где никому ни до кого нет дела и можно потеряться, раствориться в толпе безликой, словно и нет тебя. А вышло иначе.

В кустах что-то зашуршало, захлопала крыльями какая-то ночная птица. Вспорхнула на яблоню, невидимая в темноте, и запела. Розоклюв? Значит, еще один в саду завелся. Хорошая примета.

– Что она делает? – раздраженно спросила Мария.

– На камушке сидит. Птичек слушает. Лепота, – умиленно проговорил Дух Зеркала. – Розоклювы. Очень редкие птицы, исчезающие.

– Почему она здорова? Что пошло не так? – Лебедь покусала губы. – Магия моя при мне. И сильна я, как прежде. Покажи мне эту, Катарину, нимфу-актрису.

– Так вот она, – Зеркало вздохнуло, продемонстрировав больничную плату с плачущими приборами и бледную девушку на койке. – В клинике, в коме, под аппаратом. Любимый ваш фокус, госпожа, – кома. Медсестры шепчутся, овощ, мол. Жених, – Дух вздохнул еще горше, – уже засомневался.

– Все они рано или поздно предают, – фыркнула Мария.

– Вы потому ведьмака молодого решили со свету сжить? Заранее? Предусмотрительно, – задумчиво протянул Дух.

– Да нет же! – рывкнула Марья. – Свидетель он! Знает многое!

– А зачем, вообще, кандидатуру его... хм... рассматривали?

– Потому что, – Лебедь усилием воли озвучила сокровенное, страшное: – Отец мой беспокоится. Мне рано или поздно... быть Навью поглощенной, там... в царстве Кощеевом, в избе на курьих ножках, что стоит посреди тропы лесной, одной ногой в Смерти, другой в Жизни.

Зеркало многозначительно крякнуло:

– Н-да, судьба незавидная. Так сами знали, на что идете.

Знала. И Дух в курсе, что ее ждет, просто опять в игры словесные играет. А Марье вдруг выговориться захотелось, хоть одной живой душе, пусть даже такой.

– Ведьмак, коли полюбит меня, хоть правдой, хоть кривдой, и мужем моим станет, обязан будет жену любимую, – Лебедь горько засмеялась, – от нежити защищать. Когда придет за мной Рать Навья, мне с ней не совладать – она в своем праве будет. А ведьмак совладеет, сильный он, очень, сам силы своей не знает. Я под его защитой время бы выгадала. И кто знает, мы с отцом успели бы найти треклятый Источник Воды Мертвой и Живой! Может, отец и прав: поспешила я, не стоило мне Елисея подставлять. Замену ему найти нелегко, перевелись в Сильверграде ведьмаки с горячими сердцами. Но ведь как хорош план был! Чары-то мои подействовали, ополоумел ведьмак, на медведей белых пошел! Я

бы и Есю проучила, и оборотней против ведьмаков настроила! Начался бы хаос, а мы бы поиски усилили! Что не так пошло? Дух, ты нашел того, кто Тень мою видел?

– Никак нет. Я по красавицам специалист. Свою работу знаю, чужую не навешивайте.

– Переплавлю!

– А и переплавляйте, – меланхолично отозвалось Зеркало. – Надоело души живые губить. Где ты, свободушка? Вечность, жди меня, я иду.

– Отпущу на волю, – неохотно выдавила Лебедь сквозь зубы. – Обещаю. Ипостась человеческую найду. Станешь опять живым. Хочешь ведь.

Дух долго молчал. Затем отозвался тихо:

– Посмотрю, что сделать можно. Клятву дашь?

– Дам, – Марья облегченно выдохнула.

Обещать – не сделать. На то она и Навья Лебедь, что ее клятва ничего не стоит.

Глава 7

Вид у Беяны, когда ведьмак явился в лавку на закате, был удрученный. Елисей заметил на столе раскрытый альбом с фотографиями. Понятно. Вспоминала – слезу пускала. Теперь глаза на мокром месте. Нашла время.

Первый вариант «шелков заморских» Еся забраковал. Красиво, элегантно даже, но...

– Ты в клуб собралась или в театр?

– Уж лучше бы в театр, – девица кисло улыбнулась. – Чего я там не видела, в клубах ваших?

– Можно подумать, ты в своей деревне только и делала, что тусовалась, – буркнул Елисей.

– Не тусовалась. Некогда было. Бывала пару раз в столице. Один клуб видел – считай, все видел.

– Вот и проверим. Это элитное место, наше, ведь-магов. Будешь еще детям рассказывать. Попроще есть что? И покороче.

Беяна кивнула, спустилась в другом платье, черном, узком и до колен. Тоже не огонь, но хоть видно, что девушка не из прошлого века в этот забрела. С кем это она в столице по клубам шарилась, интересно.

В «Серебре» как всегда было шумно, кумарно и разнузданно. Изя помахал им из-за столика. Беяна обрадовалась, сразу глазки загорелись, даже в щечку лепрекона чмокнула.

И когда только скорешились?

Кто-то посадил в прозрачный контейнер из антинавьего стекла мруна. Такие твари сродни суккубам, только тупее. Но и у них смекалки хватает в природе человеческой лазейку найти, небольшую, но чтоб «на пожрать» хватало. А сколько такой твари в год крови человеческой нужно? Парочка выпивох, после заката на берегу реки встреченных и с пьяных глаз не понявших, кто перед ними, а вернее, что.

Нежить металась по кубу, билась о стенки, присасывалась к стеклу беззубым ртом. Мруну зубы во рту не нужны, они у него в... другом месте. А вот и трансформация: обнаженная девица, все при ней, но видно, что бедняжка немного не в себе: то ли перепила, то ли другим чем-то... догналась. Забрела на бережок ножки в прохладной воде помочить, а одежду в кустах бросила, не иначе. Глаза горят, влажный язык облизывает пересохшие губы, а взгляд призывный-призывный. Чего тебе, девица, надобно? А ты догадайся, добрый молодец, чего мне сейчас желается... в таком виде. И ведь так эволюционировала, навья монстра, что выжившие (которых было немного) затем описывали, что с ней разговаривали. Не то чтобы задушевно очень – не до того было.

Мрун изогнулся, принял позу соблазнительней. Елисей чертыхнулся, выгоняя из сознания гадкое ощущение. Магия навья на него не действовала, но он мог слышать ее отголоски в голове. Странно, раньше идея посадить навью в куб с полигона Есе бы понравилась, а сегодня... муторно что-то

на душе, тревожно.

– Вот же! – Еся пнул ногой контейнер. – Кто додумался?

Нежить восприняла это как призыв к более близкому знакомству: подвинулась ближе, отключила аппетитный зад. Еся показал ей медвежьи клыки. «Обиделась». Огромные глаза слезами наполнила. Действительно, эволюция вида налицо. Еще немного – и навьи заговорят. Пару раз встречались Есе старые ведьмаки, которые клялись: есть в Нави разумная нежить. И шепотом приговаривали: а ведь встречалась им мерзость говорящая. И замолкали. О чем ведьмаки и навьи «беседовали»? Не о погоде, уж точно.

Есю по плечу хлопнул приятель Веремей. Осклабился, кивнув на мруна, подошел к кубу, сделал бедрами несколько неприличных движений. Тварь обратилась в монстру, ударились о стекло, чавкая ртом.

Еся ухмыльнулся, пожал приятелю руку:

– Веря, тебя даже такие девушки не любят.

– Зато я их люблю.

Веремей из рода Нефарьевых, родич дальний южным гоблинам, действительно был некрасив: носат и тщедушен. Харизму заменял деньгами, дежурство в Дозоре – тем же и связями.

– У вольных охотников выкупил, – похвастался приятель. – А говорили, редкие они, мруны, редкие! Эх, жаль, к шесту красотку не поставишь, попкой повилить.

Еся представил себе мруна у шеста для стриптиза и со-

дрогнулся.

– А ты с кем тут? – любопытствовал Веремей. – Чего к нам не идешь?

Пришлось заняться светскими церемониями. Будучи представленным Беляне, Веря засуетился, подсел поближе. И остальные подтянулись: Олег, Джефри, Береника. По лицам их Елисей понял: знают, ждали. Поступок его по всему Сильверграду прозвучал. На лицах любопытство: что это было? Влипос очередной? И как? Выкрутился?

Береника первой взгляд от Беляны оторвала, Есе почудилась в нем свирепая злоба. Вот ведь странно: никогда ей ничего не обещал, запросто при ней с девчонками по углам обжимался, но никогда такой ярости в глазах не видел. Ника протянула прямо при Беляне, скривив губы:

– И ты это типа серьезно? На клуше этой жениться собрался? Сбрендил, Веденеев?

Беляна подняла взгляд, посмотрела спокойно-внимательно, голову набок наклонив, как будто вывод какой сделала... и отвернулась к Изе, Елисея даже взмахом ресниц не одарила.

Олег напротив, смотрел пристально, даже прищурился. Подумал, руку через стол протянул:

– Олег Ступин, друг Еси. Сяду?

Веремею, который вернулся с коктейлями, Ступин показал глазами: место занято. Тот помрачнел, но спорить не стал – Олега боялись. Он лучше всех из компании помнил, кто

он, – ведьмак, из древнего рода правых берсерков. Никогда ни перед кем не отчитывался. Сорил деньгами. Менял автомобили каждые полгода, девушек – чаще, полицменов со всех Кварталов знал поименно, а они его и подавно. Записывался на дежурство в Дозор, когда начинал скучать, и на охоте бешено уходил в отрыв. Старшины не любили брать его в свои дюжины, но против Ступиных идти им было себе дороже.

Взгляд Олега, брошенный на Беляну, Елисею не понравился. А на Веденева Ступин посмотрел с ухмылкой, мол, что за игру затеял, братан? Не ту ли, в которую можно играть втроем?

И зачем Еся вообще девчонку в клуб притащил? Плохая была идея. Береника не успокаивалась. Заявила при всех:

– Как же так? Еся, я думала, я твоя девушка!

Губы у нее дрожали непритворно. И браслеты на руках, сдерживающие трансмагию, унаследованную Никой от мамы, наливались нехорошим серебристым свечением. Елисей был даже благодарен болтуну Веремею, когда тот лениво бросил Нике:

– Если так рассуждать, ты тут каждому третьему девушка.

Береника взвилась, кинулась на Веремея, выставив трансформированные стальные когти. Дрянь дело.

– Оу! Оу! – испуганно заорал Веря, держа Нику за запястья. – Уберите эту дуру бешеную от меня!

Олег ухмылялся, химер Джеффри, уже с утра, видимо, до-

гнавшийся транс-дурью, равнодушно смотрел из-под густых ресниц. С места поднялся Изя. Мягко проговорил:

– Лови денежку золотую.

Кинул Беренике отполированный до золотистого блеска медный солид. Девушка замерла, опустила руки, пошла за монетой вдоль столиков. Джефри вяло протянул:

– Охолонится и вернется. Как бы чего не выкинула. И что нашло на нее?

– Я ей ничего не обещал, – буркнул Елисей, отпивая из бокала.

И заслужил все же взгляд из-под ресниц, короткий, мельком. Беяна посмотрела на него, как на клоуна в цирке – не то чтобы смешно, но интересно знать, что еще выкинет.

– Так это правда? Еся тебя похитил и жениться хочет? – спросил Ступин.

Олег весь подобрался, откинул назад длинные золотистые волосы, которые совсем не делали его хоть сколько-нибудь женственным. Со своей томной аристократической красотой он оставался тем же хищником, только светлой масти.

– Правда, – Беяна кивнула.

– Я его понимаю, – протянул Олег. – Но что-то не верю во всю эту историю. Ребят, расскажите, что там у вас произошло, с драконом и ритуалом, только честно! – Ступин повернулся к Есе, глаза его смеялись. – Ну не поверю я, что Веденева в голову вдруг стукнуло своим примером драконью молодежь на путь истинный наставить!

Еся почувствовал, как закипает, но поймал предупредительный взгляд Иззы и смог сдержаться. Ответила Ступину Белль.

– Насчет молодежи не знаю, а приключилась... любовь, – девушка посмотрела Олегу прямо в лицо. – Любовь. С первого взгляда. Встретились глазами – и всё.

– Не испугалась ведьмака? Мы, ведь-маги, говорят, нравом опасные? – Ступин говорил вкрадчиво, ласково.

– Конечно, испугалась... немного, но ведь... чувства, – «простодушно» и проникновенно ответила Белль, округлив глаза. – Думаю, все хорошо у нас с Есенькой будет. Я девушка скромная, хозяйственная. Из города уедем, коровок заведем. Двух. Козочек тоже. Еся не против, правда... милый?

«Милый» угрюмо кивнул. Беяна повела плечом, локон на грудь перебросила, слегка разгладила его тонкими пальцами. В глазах – непонятное что-то. Злится. Сильно.

Елисей видел только профиль Ступина, но прекрасно знал, как и куда тот смотрит: без стеснения, жадно даже, шарит взглядом по Беяниной фигуре, изучает грудь, губы и круглые коленки, открытые в узком платье. Олег расслабленно улыбнулся, но Еся видел, как приятель подобрался, даже руки на стол поднял, поставил перед собой, костяшку прикусив.

Нужно поговорить с ним, как друг с другом. Ведь они пуд соли вместе съели. Елисей попытался начать разговор, отведя Ступина в сторону. Олег вытаращил глаза, ненатурально

«удивился»:

– Да чего ты испугался? Не съем я твою лапоньку. И в мыслях не было! Такие простушки деревенские вообще не в моем вкусе. Да и с драконами связываться... Не, я разве дурак? Ну ты и попал, дружище! Есенька! Ой, не могу!

Олег хлопнул Есю по плечу. По-дружески. Но Елисея это не успокоило. Ступин – охотник.

Однако, вернувшись за столик, Олег вроде потерял к Беляне интерес, позевывал, поглядывал на часы. Еся повел Белку танцевать, покружил по танцполу под внимательным взглядом проникшего в клуб репортера, одного из тех, что дежурили у дома в Лисьем Переулке. Беляна улыбалась, тоже заметив журналиста, но рука ее лежала на плече Еси в такой опасной близости от его уха, что ведьмак нервничал. Но нет, не такая она, чтоб скандал при всех устроить. Видно, дом ей очень дорог. И Есе назад пути нет.

Они уже шли за столик, когда у сцены появилась Береника. Пьяная, растрепанная. Завизжала, как кошка, которой прищемили хвост, привлекая всеобщее внимание, сдернула с руки сдерживающий браслет и со всей силы ударила в куб с мечущимся в нем мруном.

Стекло было особым, серебряным, крепким, но и Береника была дочерью ведьмака и транс-магини. Осколки куба хрустальным потоком хлынули под ноги посетителям. Несколько секунд народ молча соображал, потом решил, что настало время для паники. Ника сама чуть не попала под

когти мруна, но отмахнулась магией, почти не глядя, вереща на ультразвуке. «Бабы», – с тоской подумал Елисей, запихивая Беяну себе за спину.

В голову ударило мруновой магией. Даже Есе стало нехорошо. Пытаясь пробить проход к выходу, тварь добавила свою «ноту» к звуковым модуляциям Береники. Дуэт получился отменный, жаль, что мечущиеся и затыкающие уши люди его не оценили. Если те, кто стоял ближе к сцене, еще понимали, что происходит, то задние ряды паниковали на совесть. А ведь опасности в целом и не было, нежить сама боялась. Чтобы питаться, мрунам нужны тихие темные места и заплутавшие горожане, а не шумные клубы и пьяные ведьмаки. Хорошо, если только пьяные. Эх, если бы еще ведьмаки были ведьмаками, а не тучным, ленивым стадом, откормившимся на поле заслуг их отцов, дедов и прадедов!

Тварь прошмыгнула мимо, мотая вытянутой башкой и шипя. Еся выхватил с ее пути остолбеневшего репортера, оттащил его в угол. Чем достать мруна? Голыми руками-то не возьмешь.

Беяна вцепилась Елисею в плечи.

– Что это? Нежить?

– Не бойся! Держись рядом с Изей. Вон он. Изя, сюда!

Лепрекону ничего объяснять не понадобилось. Он быстро повел Беяну к выходу, осторожно лавируя в толпе. Девчонка оглядывалась, а Еся пару раз оглянулся на нее. Мало ли, народ носится, топчется. Случись что – ему перед дракона-

ми отчитываться. Коровок она заведет, козочек. Ей только коровок пасти, с такими... данными!

Ника у сцены сидит, сопли по лицу размазывает, подвышает, таращась по сторонам. Протрезвела, что ли? Поняла, что учудила? Истеричка. Хоть бы раз намекнула, что у нее на Елисея какие-то виды. Он же не химер – чувства считать. Встретились, покувыркались от скуки – и по своим делам.

Откуда-то вынырнул Олег. Ну хоть этот не растерялся. И оружие где-то взял, короткий изогнутый клинок. Елисей поднял откинутый Никой серебряный браслет. Выгнул в полосу, приложив недюжинное усилие – хоть какое-то оружие. Серебро неприятно укололо его в руку остаточной транс-магией, чужой и недоброй.

Олег и Еся обменялись короткими фразами:

– Где она?

– Кажется, на крышу прорывается.

И точно: стены и пол на лестнице и в коридоре с техническими помещениями и туалетами носили следы лап, когтей и ударов сильным телом. Тварь пометалась по второму этажу и ушла на крышу, через одно из выбитых окон.

– Ты налево, я направо, – сказал Ступин.

Елисей не стал спорить. Сейчас главное – не упустить мруна, не дать нежити добраться до трещины в Яви. Тварь еще на крыше, иначе внизу уже орали бы прохожие. Время не позднее, на улице полно народу, мамок с колясками, детей. Тут центр: фонтаны, игровые площадки. Поимка этой

конкретной нежити стала для Еси принципиальным делом. Он вроде не виноват, в том, что Ника кукухой повредилась... и вроде как виноват. И вот он, Веденеев, стоит на крыше, чувствует неприятный холодок по коже, хотя вечер теплый.

Холодно. Это ему не показалось. Где-то рядом трещина в Яви, из Нави стужей несет. Поэтому мрун так на крышу рвался – почувял, как родным «домом» пахнет. Но что-то подсказывало Есе, что нежить не ушла, что она еще рядом. И от этого становилось еще тревожнее. Любая другая уважающая себя тварь давно бы утекла в Навь. А эта или очень глупая, или очень... странная.

Цокнули когти о металл, засвистело. Тоненько, глухонько.словно человек губы сложил и выдохнул. У Еси встали дыбом волоски на шее. Да что с ним такое? Это ведь мрун, навья иллюзия! Ну кинется, разве что массой прижать сможет, чтобы до горла хоботком дотянуться.

– Ведьма-а-ак, – раздалось тихое, сказанное то ли высоким мужским голосом, то ли грубоватым женским.

Еся крутнулся на пятках, взгляделся в глубокие тени. Луна за облаками, на крыше горят фонари, особые, от нежити, заряженные пламенем драконов, но этой твари на них плевать. Елисей больше догадался, где сидит мрун, чем увидел его.

– А ТЫ меня выслушаеш-ш-шь?

– Кто здесь? – строго спросил Елисей. Не может быть, чтобы это нежить с ним человеческим голосом разговаривала.

– Никто. Просто пос-с-сланник.

– Мрун? Это ты... говоришь со мной? – это прозвучало... глупо, но Еся видел два горящих на фоне магической будки огонька – выпуклые глаза нежити. И рот, что шевелился в такт словам.

– Удачно ты нам попалс-с-ся, – прошептала тварь. – Твой интерес-с-с в деле имеется. Нам это нравитс-с-ся.

– Какой еще интерес? – ведьмак начал потихоньку приближаться, чувствуя непривычный страх.

– Боиш-ш-шься?

– Это тебя-то? – Еся принялся осторожно обходить чердачную трубу.

– Лебеди Черной, – выдохнула тьма.

Елисей застыл.

– Ты...?

– Я пос-с-сланник Навьей Рати. Рыщ-щ-щу во тьме. Ищ-щ-щу то, что мне обещ-щ-щано. Помоги Лебедь найти. Она и тут, и там, прячется в иллюзиях, навьям глаза отводит. Укажи на нее. Не жалея Черную. Она тебя не пожалела. Лебедь – наш-ш-ша по закону Навьему, не людьми писанному. Все равно доберемся. Но жертв меньш-ш-ше будет... среди гражданского нас-с-селения, – мрун захихикал.

Спина у Еси покрылась холодным потом. Он молчал, переваривая услышанное. Значит...

– Значит, прав я был, – и сам не понял, что сказал это вслух.

– Прав, – мрун хмыкнул. – Думай, ведьмак. Даем тебе три-

жды тридцать дней и три ночи. А потом ратью пойдем. Пожалей город. Много невинных людей пос-с-страдает.

Еся очнулся от мерзкого ступора и шагнул к стене. Тварь изогнулась, взлетела на крышу магической будки и растворилась в воздухе. Трещина полыхнула синим навьим огнем – закрылась.

– Веденеев! – в окно вылез Олег. – Что, упустил?

– Угу, – медленно произнес Еся, приходя в себя. – Вон там разлом был.

– Что с тобой? Под воздействие попал?

– Да что-то... такое... было... странное.

– Да? Ты в норме? Ну пошли. Только давай по пожарной лестнице спустимся. Там Толли Сагус явился, рвет и мечет. Короче, закрывают клуб. Беренику в участок забрали. Как бы тебе не попало.

– Да пусть, – рассеянно проговорил Елисей, вытирая с лица холодный пот.

Глава 8

«...Когда дяде Эше в офис позвонили два забористых пацана, желающих сделать капитал на наивности пожилого человека, дядя поймел большой и красивый перформанс, как тот лысый упырь из Лесовиц, которого жрецы два часа гоняли по храму поддельными серебряными лампадами с просроченным ладаном.

Эти два, прости господи, геишефтмахера представились сотрудниками банка и прямо среди здесь принялись вешать отборную лапшу на несчастные уши дяди Эши. Дядя Эша честно рассказал им номер своей ячейки, код, маленькие цифры на обороте конверта и свое имя. Фраеры отправились в банк, и все у них шло хорошо, пока им не предложили представиться. И тут с них слетел их фасон, потому что если кто-то поймел идею сказать за имя лепрекона и не сломать гарнитур во рту, так пусть начнет с того, что от этой идеи откажется. К тому же дядя Эша никогда не держал свое золото в банке. Как одобрительно говорила моя тетя Дофа, жена дяди Эши, ни один имевший много и подробно позитить лепреконе не свяжется с банком, особенно если сам в нем работает».

Из выступления стендап-комика Изи Валуриуса

Новое знакомство, по уже сложившейся в Лисьем пере-

улке традиции, я начала с пирогов. С клубникой. Лютый признался, что его брат Злыдень обожает клубнику. Ягода в Сильверграде была так себе, не сравнить с нашей, кривовцовской. Но, рассудила я, местные-то привыкшие.

Елисей явился рано, буркнул что-то и скрылся в подвале. Грохотал там и так некрасиво ругался, что заслушивались даже тролли. Можно было подумать, что это я накануне насильно потащила несчастного ведьмака в клуб. И кстати, мне **ОЧЕНЬ** не понравилось то свидание.

Злыдень держал популярную в городе лавку «Модное платье»: сам подбирал ткань, сам кроил и сам шил. И, по словам Лютого, давал советы по имиджу. Именно это мне и нужно было – совет. Наряды, которыми я так гордилась в Кривовцах, в Сильверграде привлекали ненужное внимание. Когда я вспоминала взгляд Олега, этого странного, неестественно красивого ведьмака, по коже пробегал холодок. Мне такой интерес не надобен был и даром. Меня та вырвавшаяся из куба на волю нежить испугала меньше, чем ледяные глаза Ступина.

Звякнул колокольчик на входе, я шагнула через порог магазина Злыдня и застыла. Лавка кипела жизнью... сама по себе: на раскроечном столе звонко щелкали в воздухе ножницы, и ткань вздымалась волной под их лезвиями, строчила швейная машина, и кто-то невидимый поправлял бирюзовое платье на манекене с пышными формами.

– Добрый день. У меня клиент? – осведомился кто-то сни-

зу.

Я опустила взгляд и узрела господина Злыдня. Никогда раньше не видела я так пышно разодетого дворфа. И вообще никого... столь пышно разодетого. На господине Злыдне были надеты синий фрак с серебряной вышивкой и белоснежная рубашка с кружевным жабо. Шелковые рейтузы заканчивались белыми чулками, а ниже имелось два башмака с самоцветами на пряжках. Шапочка тоже была, в тон фраку и с вышивкой серебром.

– Как вам моя магия? – осведомился Злыдень.

– Никогда не видела ничего подобного, – призналась я. – Все это шьется само?

– Ну что вы, милая! – дворф снисходительно улыбнулся. – Это все шью я, прямо сейчас, на ваших глазах. Я лишь вдохнул мастерство в предметы, помнящие мою руку.

– Потрясающе!

В такие минуты я искренне жалела, что не владею хоть каплей волшебства.

Господину Злыдню мой детский восторг явно польстил. Он жестом пригласил меня войти, с благосклонным кивком принял корзинку с пирогами и выслушал мою просьбу.

– Прежде всего, милейшая соседка, – сказал он, – давайте подберем вам чудесные джинсы из новой коллекции «Гномим-деним».

– Джинсы? – изумилась я. – Но как же...?

Я обвела рукой манекены с готовыми нарядами.

– О, вы еще успеете поносить элегантные вещи, дорогая соседка, придет и ваш черед, – гном снова лукаво улыбнулся. – А пока пользуйтесь молодостью и легкостью. Горожанки в Сильверграде отличаются большим талантом сочетать простое и сложное. Советую вам брать с них пример. С вашим вкусом вы быстро научитесь искусству изящной повседневности. Как вам эта модель? И к ней отличный желтый лонгслив.

Я вышла из лавки с огромным пакетом. Елисей удивленно посмотрел на меня в джинсах и, разумеется, задержал взгляд на тех местах, которые, на мой взгляд, были излишне обтянуты грубоватой, но комфортной классической моделью.

– Ну вот, хоть на человека стала похожа, – буркнул ведьмак.

– Очень красиво, – от стола с нашим будущим обедом подтвердил забрызганный помидорным соком Изя, старательно нарезающий овощи для салата.

Еся пожал плечами и поморщился. Снял перчатку – еще раз поморщился. Налил себе стакан молока – скривился, надел перчатку – перекопился в лице. Направился к подвалу.

– Стоять, – негромко велела я. – Сюда – и сел за стол.

Еся недовольно подчинился.

– Руку покажи. И не цокай тут. Цокатель нашелся. Это что такое?! Ужас!

Ведмак дернул плечом:

– Вчера Береникиным браслетом царапнуло.

Рана успела загноиться, рука распухла. Как же он все утро работал в подвале? Болит, наверное, жутко!

– Ты же ведь-маг! Сам себя вылечить не можешь? – удивилась я.

– Угу, – мрачно промычал Еся. – Если бы все так просто было, мы б, ведьмаки, бессмертными стали. На нас только магия навьего племени не действует, а так мы вполне убиваемы.

– И кровозаражаемы! – возмутилась я. – Сиди тут, попробуй сбеги только.

Я сходила наверх и вернулась с аптечкой.

– А вообще-то, это из-за трансволшебства, – неохотно сообщил Еся. – С ним непросто.

– У тебя, как я погляжу, все нелегко, – согласилась я. – Радуйся, что бывшая тебе прямо в тыкву своей трансмагией не залепила. Или в другое место, имеющее к ее претензиям непосредственное отношение. Считай, карма догнала, да легко отделался.

– Ника не моя бывшая, сколько повторять? Так... развлеклись немного когда-то.

Елисей спокойно наблюдал за тем, как я перебираю дезинфицирующие растворы, пока я не достала футляр с иглами и скальпелем.

– Эй, ты что делать собираешься?!

– Просто почищу и обработаю рану.

– Ножом?! Вот этим, острым?! Не, я лучше к врачу!

– Да врача далеко. Я близко. Ну чего ты мучиться будешь?

Ведьмак вскочил и ринулся к выходу. Я успела встать у него на пути. Еся принялся носиться от меня вокруг стола, даже прикрылся растерявшимся Изей.

– Изза! – прокричала я. – Ну удержи его как-нибудь! Я же вас, мужиков, знаю – будете до последнего надеяться, что оно само рассосется или, на крайний случай, отвалится!

– Оно само рассосется! – проорал Еся, прячась за лепреконом.

– Эй, ведьмак, – ласково проговорил Изя, показывая вверх. – Смотри, радуга.

Под потолком засияло разными цветами. Еся поднял взгляд и застыл. Беспомощно пробормотал:

– Ненавижу эти твои лепреконские штучки.

– Я его долго держать не смогу, – озабоченно проговорил Изя. – Он все-таки ведьмак, нейтрализует воздействие. Минуты три, от силы.

– Да что за детский сад?! – рявкнула я, доставая скальпель. – Елисей! Хватит дурить. Сдавайся!

Еся вздохнул и кивнул. Изя осторожно щелкнул пальцами. Радуга исчезла, ведьмак «отмер». Покорно вытянул раненую длань.

– Это не так уж больно, – пообещала я, усаживая «пациента» за стол. – По сравнению с тем, как болит сейчас.

– Меня смущает, что ты не врач, – процедил Еся, отводя взгляд от раны.

– Для этого диплом не нужен, особенно нам, девушкам. Ты когда-нибудь носил туфли на высоких каблуках? Тогда что ты знаешь о боли? О страданиях? О волдырях и натоптышах? Ну вот, сейчас немного пощиплет и все.

Пока я перевязывала рану, Изя с большим интересом наблюдал за моими манипуляциями.

– Даже не думай, – вполголоса обратился к нему Елисей.

– Что? А? – лепрекон встрепенулся и изобразил в лице невинное удивление. – Я смотрю. Просто смотрю.

– Думаешь, я не знаю, что ты задумал?

– Что он задумал? – заинтересовалась я, разматывая бинт.

– Он задумал номер. Наверняка о том, как ведьмаки боются иголок и уколов. Правильно я предполагаю, Изза?

Лепрекон умоляюще сложил руки:

– Но это такая прекрасная тема, Еся! Монолог о покупке дохлой нечисти прошел просто на ура!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.